

Двойной детектив
по Фрейдю

Анна Данилова

ДЕВЯТЬ ЖИЗНЕЙ ГРЕТЫ

СМЕРТЬ ОТКЛЮЧАЕТ ТЕЛЕФОН

Двойной детектив по Фрейду

Анна Данилова

**Девять жизней Греты. Смерть
отключает телефон (сборник)**

«Автор»

2013

Данилова А.

Девять жизней Греты. Смерть отключает телефон (сборник) /
А. Данилова — «Автор», 2013 — (Двойной детектив по Фрейду)

«Девять жизней Греты» Грета Перминова вышла замуж по любви за красивого парня, болгарина с нежным именем Горги Ангелов. Медовый месяц стараниями молодых длился бесконечно долго. До тех пор, пока Грета не услышала разговор, перевернувший все это семейное счастье с ног на голову. Обожаемый муж и свекровь собирались убить ее и завладеть имуществом! И вот, чтобы не позволить свершиться чудовищному замыслу, Грета должна немедленно бежать прочь из собственного дома — в холодную декабрьскую ночь, в полную неизвестность... «Смерть отключает телефон» С таким таинственным и зловещим делом адвокат Елизавета Травина еще не сталкивалась! Полгода тому назад на свадьбе бывшего мафиози Малинникова убиты пятеро и бесследно пропали восемь гостей и невеста. Тело самого жениха и четверых его соратников вскоре нашли в камышах на острове Чардым, где этот богатей справлял свадьбу. Странно все! Исчезли совсем непримечательные и глубоко несчастные по жизни люди, весьма далекие от бизнеса. И где теперь невеста?..

© Данилова А., 2013

© Автор, 2013

Содержание

Девять жизней Греты	5
Часть I	5
Грета	5
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Анна Данилова

Девять жизней Греты. Смерть отключает телефон (сборник)

Девять жизней Греты

Часть I

Грета

«В тот день, когда все это началось, погода просто сошла с ума. Она была настолько созвучна моему состоянию, что я даже не знала, благодарить ее за это или нет. Ураганный ветер, дождь с мокрым снегом, словно кто-то там, наверху, разозлившись, разодрал в клочья пухлые тяжелые тучи... И воздух был какой-то синий, густой, словно на небо наплывала ледяная декабрьская ночь, грозившая похоронить дневные краски...

Вот говорят, что имя определяет судьбу. Вероятно, это правда. Мои родители называли меня Гретой. Понятно, в честь Греты Гарбо. У меня же, когда я подросла, это имя ассоциировалось с соседской кошкой Гретой. Старик-немец кормил свою любимицу вареной курицей и молоком и разговаривал с ней по-немецки.

Со мной же все говорили по-русски, ведь я жила в Москве. Мама рано умерла, и нас с братом воспитывал отец. В сущности, он воспитывает меня до сих пор, вот только проку от этого мало – я выросла избалованной, капризной и совершенно несобранной, непонятной особой. Училась я, правда, хорошо, но имела самое смутное представление о том, чем же я хочу заниматься на самом деле. Такое модное сейчас ландшафтное проектирование, которым я страстно увлекалась, мне хотелось все больше и больше внедрить в мою непосредственную, собственную жизнь, а не заниматься обустройством садов и цветников своих заказчиков. Быть может, поэтому я и не очень-то расстроилась, когда, выйдя замуж за красивейшего Джорджи (на самом деле моего мужа, македонца по происхождению, звали Горги), забросила в дальний угол свою карьеру вместе с декоративными водоемами (это была моя настоящая страсть!), садами-лабиринтами и клумбами и решила посвятить себя семье и спокойному и приятному проектированию наших нежных отношений с супругом.

Познакомившись с Горги в Москве и влюбившись, я практически через неделю дала свое согласие на брак с ним. Я видела, что мои отец и брат глубоко против этого скоропалительного брака, и понимала, что выходить замуж за человека, которого ты мало знаешь, – крайне неосмотрительно или даже опасно, но ничего поделать с собой не могла. Джорджи был так красив, что свое будущее я рисовала исключительно с эстетической точки зрения: мы в неизвестной мне стране с теплым и пропитанным розовым маслом именем – Болгария, где в настоящее время жила семья моего жениха, красиво одетые, сидим за накрытым столом, в обнимку. И больше нам ничего не нужно. Джорджи держал скромную автомастерскую, что меня нисколько не смущало, поскольку денег моего отца и брата мне хватило бы на несколько жизней. Нравственная сторона финансового вопроса меня также не волновала, поскольку я считала, что главное в нашем браке – это наши любовные отношения, а все остальное – не так уж и важно, уж с голоду-то мои близкие мне точно не дадут умереть. К тому же мои банковские карточки постоянно и заботливо пополнялись отцом в благословенной России.

Словом, я приехала в Болгарию по туристической визе, зарегистрировала гражданский брак с Джорджи, потом снова вернулась в Москву, чтобы заполучить себе драгоценную долгосрочную визу, и уже спустя два месяца въехала в маленький провинциальный город Шумен, расположенный в восьмидесяти километрах от Варны, с огромными чемоданами, набитыми одеждой и разными милыми моему сердцу личными вещами. Еще, конечно, подарками. Для моего мужа и свекрови.

Встречали меня в аэропорту Варны. Худенькая, красивая, черноглазая и черноволосая свекровь Магдалена, в белом узком костюме и на шпильках, и рослый, крупный, с пышными черными локонами Джорджи – тоже во всем белом. Особенно трогательно смотрелись на нем белоснежные замшевые летние туфли. Эта элегантная пара сильно выделялась на общем фоне пассажиров, одетых преимущественно во все спортивное, легкое.

Магдалена клюнула меня в щеку, пробормотав: «Добре дошли?» Я лишь обняла ее, не желая целовать ее сильно напудренную и густо пахнущую ванилью щеку. Джорджи просто стиснул меня в своих объятиях, поцеловал меня прямо в губы и сразу же бросился к тележке с багажом.

Дома, в просторной, прохладной от кондиционированного воздуха квартире, меня напоили национальным напитком – кофе – и еще поставили передо мной большую хрустальную пепельницу – мол, не стесняйся, кури, здесь вся страна только и делает, что пьет кофе и курит...

И стали мы жить втроем в этой квартире – я, мой красивый муж и его молодая мама Магдалена... На завтрак меня кормили свежайшей брынзой и помидорами (благо был июль), на обед – узкими соевыми, крепко пахнущими чубрицей котлетками – кебабче, на ужин – поджаренными на гриле овощами. Мы часто ездили на море, уложив в сумку-холодильник вареные яйца, опять же брынзу и помидоры, останавливаясь в недорогих бунгало на побережье Золотых Песков, Албены, Балчика, Кранева... И я была счастлива, как никогда. Хотя, признаться, мне хотелось бы останавливаться в самых лучших приморских гостиницах и питаться в лучших ресторанах, то есть жить так, как я привыкла...

Понятное дело, что первое время на меня никто не давил и не заставлял работать. Поэтому единственное, что мне приходилось делать, – это следить за порядком в квартире и время от времени готовить что-нибудь из русской кухни. Потом свекровь стала намекать, что пора бы мне уже определяться, что брак – это все же не курортный роман длиною в жизнь, что надо искать работу, зарабатывать деньги. Выяснилось, что мастерская была убыточная, что главный механик уехал в Англию на заработки, а два других просто пили и спали на своих рабочих местах.

– Джорджи, хочешь, я найду тебе толковых ребят, мы отремонтируем твою мастерскую? – говорила я, имея в виду строительство целого ремонтного комплекса в самом удобном месте города, вместе с мойкой и маленьким рестораном. Мне так хотелось сделать его по-настоящему счастливым!

Я не могла пока еще открыто признаться мужу в том, что у меня есть деньги, и много. Мне хотелось узнать его получше, чтобы выяснить – быть может, он хочет заниматься вовсе и не автомастерскими, а чем-нибудь другим, более творческим и непыльным?

Магдалена, видя, что я не очень-то расположена искать работу, принялась за поиски сама. Поначалу я воспринимала это крайне несерьезно, я готова была в любую минуту раскрыться и рассказать ей, кто мой отец, чтобы потом радостно расхохотаться ей в лицо и сообщить о том, что им с Джорджи теперь не придется считать деньги и утолять голод на пляже вареными яйцами и несвежими бутербродами с прокисшим майонезом (как это произошло в одну из наших последних поездок к морю). Что пора уже как-то менять жизнь и придумать, каким же бизнесом Джорджи хочет заниматься. И вот как раз в тот день, когда я решила им все рассказать, Магдалена утром, за завтраком, пользуясь тем, что Джорджи вышел за сигаретами,

сказала мне в лицо, что я – лентяйка, что я ничего не умею, что диплом у меня скорее всего фальшивый, купленный в метро за сто рублей, что у меня не получится жить за их счет, что в их стране так не принято, что здесь надо работать и зарабатывать деньги, а не сидеть на шее у нее, Магдалены... Она, попыхивая сигареткой, в шелковом розовом халатике, прихлебывая черный кофе, говорила еще много чего, потом перешла к тому, что она вообще была категорически против нашего брака, поскольку я – голодранка, что у меня ничего за душой нет и что я вышла замуж за ее красивого мальчика исключительно для того, чтобы проводить все время в постели... Потом она швырнула мне в лицо кипу газет и посоветовала мне либо как можно скорее найти работу по душе – подразумевались такие профессии, как чистачка (уборщица), сервiterка (официантка), готвачка (повариха), шивачка (портниха) или ухаживающая за больными или престарелыми, – либо убраться к чертовой матери.

– Моя фамилия – Перминова, – неожиданно громко, с достоинством произнесла я, словно здесь, в тихой и маленькой Болгарии, все без исключения должны были знать моего отца. – Мой отец – Михаил Ильич Перминов!

– И что дальше?

Надо сказать, что изъяснялась моя свекровь на русском языке вполне сносно. Сказывалась учеба в советское время, когда все болгары учили русский язык в школе, а наши страны дружили.

– А то, что неплохо было бы вам знать, из какой семьи вы взяли себе сноху!

– Но Перминовы... Я ничего не знаю. – Магдалена стала присматриваться ко мне, словно в чертах моего лица она пыталась разглядеть нечто такое, что подсказало бы ей что-то, отчего фамилия моего отца заиграла бы новыми красками.

– И не надо. Мы завтра же снимем с Джорджи...

– Его зовут Горги!!! – вдруг вскрикнула Магдалена истерично, и я увидела, как сжались ее кулачки. Как же она ненавидела меня в ту минуту!

– ...мы снимем квартиру в самом центре Шумена, где сможем спокойно, без вашего участия, обсудить наши семейные дела и принять решение, чем же нам заниматься... А вы можете продолжать пить свой кофе и курить ваши вонючие сигареты!!!

И так тоскливо стало у меня на душе после того, как я все это сказала. Так нехорошо...

– Что-то я ничего не понимаю... Какую квартиру? На какие деньги?! Ты что, Грета, издеваешься надо мной? Господи... Грета... кто же назвал тебя так? Как кученце (собака)...

В тот момент ее раздражало и мое вычурное, странное имя. Надо сказать, что в ту минуту мне и самой было словно бы неловко за свое кинематографическое имя.

Вероятно, Магдалена все же выяснила с помощью Интернета, кем является мой отец и в каком отношении его имя связано с российской нефтью, потому что вечером этого же дня она откровенно ворковала со мной, называя дочкой, и стреляла глазами в сторону сына, словно собиралась сообщить ему нечто важное.

– Мне мама рассказала... – сообщил мне Джорджи, когда мы легли спать. – Она очень сожалеет о вашем разговоре, о том, что она была так груба с тобой. Она уже и не знает, как себя вести, что говорить... Понимает, насколько глупо выглядели ее разговоры о полезном труде. Представляю, как ты в душе смеялась над ней, да и надо мной тоже, когда мы ночевали на море, в этих скромных бунгало, и на ужин ели вчерашнюю брынзу и теплые, с пляжа, помидоры! Ты ведь привыкла совершенно к другой жизни. А я? Да я – просто глупый, раз ни разу не попытался остановить маму в ее стремлении поскорее найти тебе работу! Мы же с тобой только поженились, тебе еще трудно здесь, в чужой стране, среди чужих людей. А она уже пыталась устроить тебя... Господи, как же мне стыдно...

Тогда – впервые – мы оба, я думаю, испытали чувство, сильно походившее на разочарование. И даже не друг в друге, а скорее в самой жизни. Может, и не разочарование, но все равно, такое неприятное чувство того, что, помимо нашей любви и ощущения праздника от общения друг с другом, существует еще и другая жизнь, где есть место грубости, недоверию, раздражению... В ту ночь мы обошлись лишь взаимными пожеланиями спокойной ночи.

* * *

На трассе, гладкой и мокрой, опасной, смертельной в такую непогоду, почти не было машин. Никто, кроме нагруженных доверху фур и тяжелых грузовиков с продуктами, не стремился в декабрьскую, мрачную, обледеневшую Варну. Не то что летом, когда в ту сторону по софийской трассе мчатся нарядные легковушки, набитые любителями позагорать на солнышке и понежиться в теплой морской воде.

Воспоминания преследовали меня, они, как обрывки ветра, толкали меня в спину и заставляли втягивать голову в плечи. Даже в теплом салоне мне было холодно от всего того, что я слышала каких-нибудь пару часов тому назад...

Анализировать услышанное можно было, лишь оглянувшись назад. Полгода жизни с Джорджем пролетели быстро. Мы купили на папины деньги две квартиры – одну в Шумене, другую в Варне. Планировали купить апартаменты и в Софии. Помешанная на покупке недвижимости Магдалена была, казалось, оглушена собственным имущественным счастьем.

– Дети мои, запомните! Никакая пенсия вас на старости лет не спасет... Только недвижимость! Сейчас, когда на дворе кризис, надо покупать квартиры, дома, землю. Все упало в цене.

Мы обустроивали свои квартиры, строили планы на будущее. Между тем мастерская Джорджи прекратила свое существование – он стал банкротом. Надо ли говорить, как легко он с моей помощью и поддержкой пережил свое банкротство?!

Папа предложил мне заняться открытием в Болгарии бензиновых станций, обещал помощь. Но поскольку я в этом ничего не смыслила, то решила возложить все это на сильные плечи своего мужа. Однако он, понимая всю перспективность этого дела, все равно тянул и тянул с ответом. Шли дни, недели, месяцы. Папа присылал ему какие-то документы, расчеты, предлагал отправить к нему специалиста, который стал бы его управляющим и помогал бы ему в этом бизнесе. Но Джорджи, как я поняла, откровенно ленился. А я ленилась вместе с ним и не давила на него. Мне по-прежнему нравилось, что у меня такой красивый муж, такой ласковый, нежный и внимательный. Тот факт, что он и его мать жили все эти месяцы за мой счет, меня тоже не особо волновал. Я старалась относиться к этому философски.

Иногда наша лень достигала немыслимых пределов. В осеннюю смурь, когда на улице особенно зябко и льет дождь, мы даже с постели вставали только для того, чтобы разогреть еду или сходить в ванную комнату. Забравшись под пухлое одеяло, мы, прижавшись друг к другу, спали под мерный шум дождя, дремали, просто лежали, погруженные в какую-то безысходную сонную одурь... И только приход свекрови заставлял нас покидать постель на несколько часов, когда мы принимали ванну, приводили себя в порядок, чтобы вместе отправиться обедать или ужинать куда-нибудь в ресторан. Мне нравилось бывать в уютных шуменских механах. Механа – это тот же трактир, с национальной кухней. Грубо сколоченная мебель, интерьер украшен старинной посудой, мельничными жерновами, имитацией колодца, старинными утюгами или котлами. На столах – красные, ручной работы, тканые скатерти. Еду подают в глиняных горшках или в сковородках. И рекой льется национальная водка – ракия, сделанная из сливы, абрикосов, винограда, айвы. Вино из Новой Загоры, Хаскова, Ямбола, Стамболийски, Хисарски,

из Розовой долины, Оряховице, не говоря уже о знаменитом осмарском пелине – вине, настоящем на душистой полыни.

Худенькие болгарки или турчанки в национальных одеждах подают еду. Нанизанные на шампуры шампиньоны, полосатое от решетки гриля филе курицы или форели, кюфте и кебапче, чугунные кастрюльки с вареной фасолью, которую здесь все называют «боб», густые куриные супы, тушеную капусту с мясом утки.

Меня все чаще и чаще стало наполнять чувство пресыщения и того, что я на все это время словно выпала из нормальной человеческой жизни. Что мы постепенно стали превращаться в свиней. Когда я жила в Москве и мечтала о своих садах и цветниках, меньше всего я задумывалась о том, что мне придется совершенно отдалиться от работы. Да, мне иногда надоедало работать в чужих садах, потому что я, вкладывая в дело душу и силы, понимала, что все это уже очень скоро уйдет из моей жизни, что я как бы работаю впустую. То есть я не испытывала удовлетворения при мысли, что все это заживет своей жизнью и после моего ухода. И я, как и любая девушка на выданье, уже мечтала о своем доме, о земле, где я смогу разбить свои цветники, где позволю благородным растениям соседствовать с дикими разросшимися сорняками... Идей и планов у меня было много, порой мне казалось, что моя голова изнутри тоже напоминает многоярусный садик, заросший разного рода растениями, что внутри моего черепа все цветет и благоухает: распускаются розовые бутоны, извергает сине-оранжевые молнии будущих цветов роскошная стрелиция, буйно цветет, смешиваясь цветом с алой кровью, наперстянка... Быть может, выйдя замуж за Джорджи, я надеялась, что и у нас с ним будет свой дом с садом. Но как-то сложилось так, что его мать, увлеченная покупкой квартир (апартаментов), совершенно забыла о существовании частных домов. Возможно, она все помнила, да только не желала обременять свою жизнь уходом за землей. Как хорошо сидеть в чистенькой квартире, обнявшись с подушкой, и смотреть телевизор! В собственном доме с участком земли, напоминающем миниатюрную модель самой жизни, захочется посадить деревья, кусты и цветы, купить попугаев, обзавестись кошкой и собакой, а то и вовсе прикупить с десятков несущек... Кошка с собакой будут беспрестанно сновать между домом и садом, разнося землю и семена сорняков по всему дому, попугаи, с аппетитом поедая просо, пометят территорию россыпью пустых зерен, кур надо будет кормить и поить, а к подошвам калош или садовых туфель прилипнет солома... Какой ужас!!!

Наступила осень. Ее прохладное дыхание несколько поостудило наши чувства. Я поняла, что если я не хочу потерять Джорджи, то должна каким-то образом избавиться от постоянного присутствия рядом с нами свекрови. Она давно уже раздражала меня своей неутомимой жадой денег и тех сомнительных удовольствий, которые она из них извлекала. Все ее шкафы буквально ломились от новой одежды. Молодая, она выбирала себе чуть ли не подростковые вещи, но в основном носила узкие, обтягивающие ее худосочные ляжки, джинсы, открытые блузоны, которые не скрывали ее костлявую, черную от загара грудь, на спине же ее болтались дорогие, из натуральной кожи, цветные рюкзаки с разного рода молодежными украшениями – стеклянными фигурками животных, шариками, меховыми мишками и жирафиками... Со спины Магдалену действительно можно было бы принять за подростка. Главное, чтобы она не поворачивалась к вам своим худым, со впалыми щеками, почти черным лицом... Да уж, черноморский загар – что поделать – сделал ее похожей на цыганку!

Сказать, что меня тошнило от моей свекрови, – это не сказать ничего! Она вторгалась в наше с Джорджи пространство с видом полноправной хозяйки, навязывала нам план мероприятий на день, поездки, шопинги, экскурсии... Я же хотела осмотреть предлагаемые одной симпатичной девушкой-риелтором виллы под Варной. Несколько снимков я уже выслала брату, пусть посмотрит, может, купит себе на лето виллу-другую, а мы бы с Джорджи присматривали

за ними, заполняли их туристами, следили бы за порядком, прибирались бы там. Какая-никакая, а работа... Но Джорджи, как я поняла, даже после того, как он стал моим мужем, продолжал в большей степени оставаться сыном своей матери и все делал для того, чтобы потакать ее желаниям. Они, мать и сын, были одним целым, и мое присутствие в жизни Джорджи не изменило его представлений о сыновнем долге. Он, как мне казалось, продолжал воспринимать меня как русскую туристку, по неизвестной причине задержавшуюся в их доме. Да, и это было самое неприятное – я оказалась нигде. Ни в одной из купленных мною квартир (надо сказать, что все оформлялось на Джорджи, поскольку мне, иностранке, было это сделать не так-то просто, оказывается) я не чувствовала себя дома. Я не могла купить понравившуюся мне мебель, занавески... Я не могла и нескольких часов провести наедине с моим мужем.

И когда я все-таки присмотрела для себя дом в одном приморском поселке, в котором намеревалась поселиться только с Джорджи и поставить ему условие, чтобы его мать никогда не переступала порога этого дома, случился скандал! Магдалена кричала – она не допустит того, чтобы какая-то там русская отобрала у нее сына, она не для того его рожала и воспитывала, он – ее, ее, он принадлежит только ей! Это было похоже на истерику. Мне бы тогда еще развернуться и уйти... Но куда? Возвращаться в Москву, к отцу, чтобы со слезами на глазах признаться ему в том, что наш брак с красавцем-болгарином – ошибка? Конечно, отец бы меня понял и простил, тем более что он готов был простить мне все! Но это, подумалось мне в тот момент, я успею сделать всегда. Тогда же мне хотелось побороться за своего мужа, за свою семью. И я все еще лелеяла мысль о том, что Джорджи – мужчина, а не мальчик, все же сделает свой выбор в пользу своей жены. Я не предполагала тогда, насколько сильна связь между Джорджи и его матерью.

– Вы хотите, чтобы я уехала? – спросила я тихо, чтобы не распалить и без того взвинченную до предела Магдалену. – Прямо сейчас?

Вероятно, эти слова ее немного остудили. Потому что первое, что она тогда сказала (первое, что сложилось в ее разгоряченной голове!), было: конечно, при разводе-то все делиться будет пополам... Ты же просто так не уедешь? Не уедешь? Начнешь все делить, делить!

Джорджи стоял, опустив голову. Мне показалось тогда, что его черные волосы слишком густы и крепко, по-женски, закручены в локоны, что это даже как-то противоестественно для мужчины. И что он растолстел за последние месяцы, и кожа его, некогда белая, стала от загара какой-то неприятно розовой, зефирной... И лицо его, чисто выбритое, тоже стало раздражать меня. Почему-то перед моими глазами возникла сцена: Джорджи стоит в ванной комнате, голый, и бреется. И так нежно, так любовно поглаживает лезвием по своим гладким, упитанным щекам, что хочется взять и порезать ему эти щеки... Крест-накрест! И близость нашу с ним я вспомнила, его отяжелевшее тело, и вдруг поняла, что и в постели-то он стал ленив и эгоистичен, что вообще непозволительно молодому, полному сил мужчине.

Я вышла из комнаты, потом из квартиры и быстро спустилась по лестнице, выбежала на улицу и затерялась в толпе праздношатающихся по Славянскому бульвару горожан.

Здесь, на этом бульваре, в теплое время суток все кафе выносят на улицы, под огромные, тенистые вековые липы, столики, и таким образом бульвар превращается в длинное, протянувшееся почти на половину города летнее кафе. И, что самое удивительное, они все заполняются людьми, отчего создается впечатление, будто бы в этом городе каждый день – выходной. Славянский бульвар – это место встреч всех живущих как в самом городе, так и в селах. Прогуливаясь по нему, можно встретить с десятков знакомых, родственников, коллег. Молодые мамочки с колясками беспрестанно курят сигареты, пускают дым разве что не в розовые мордочки своих чад. Чинные, с коротко стриженными седыми волосами болгарки, собравшись в стайки, пьют горячий шоколад, радуясь встрече и теплоте солнышку. Молодые парни, по какой-то причине оставшись без работы, с раннего утра до позднего вечера сидят, развываясь, в уютных плетеных креслах под полотняными тентами, пьют кофе из крохотных чаше-

чек, перемещаясь из одного кафе в другое, и стреляют глазами в приятелей, чтобы те угостили их пивом. Молодые девчонки, возможно продавщицы из близлежащих магазинов, укрывшись от солнца и посетителей, потягивают за столиками холодный чай и колу. Разжиревшие холостяки с длинными волосами, заплетенными в тощую косичку, наливаясь пивом, лениво рассматривают проходящих мимо стройных женщин. В Болгарии почти все женщины худенькие, как тростинки, и с хорошей, густой гривой волос. Во фризёрских салонах, то есть в парикмахерских, они стараются перекраситься в «блонд» и различными способами уменьшить объем причёски. Удивительное дело!

Накрапывал дождь, но посетители кафе под зонтиками продолжали пить кофе и курить. Я не знала, куда мне идти, а потому забила в самый угол одного из летних кафе, укрывшись за маленьким фонтанчиком в глубокой каменной чаше, и заказала себе кофе. Достала сигареты. Вот я и стала частью этого маленького города. Кофе и сигареты. Вишневый сок и сигареты. Мартини и сигареты. И так далее... Мне надо было обдумать, как жить дальше. Я готова была простить Джорджи его преданность своей матери, его недалёковидность, наконец. Возможно, он действительно еще не осознал до конца, что жена – это на всю оставшуюся жизнь и что важнее строить отношения именно с ней, а не с матерью, которая не сегодня завтра встретит какого-нибудь холостяка или вдовца, выйдет за него замуж и проживет своей жизнью. К тому же неужели он не видит, что происходит с его матерью, как портят ее мои деньги?! Что она без зазрения совести покупает квартиры, нисколько не думая о том, что мне это может не нравиться. Что все ее инициативы направлены прежде всего на то, чтобы обеспечить себе старость! Может, она думает, что я не могу сказать «нет», не сумею захлопнуть перед ее носом кошелек? Где лежит предел ее алчности и наглости?

Выпив пару чашек кофе, я отправилась пешком в агентство по недвижимости, встретила там со знакомой мне уже девушкой-риелтором, попросила ее еще раз показать мне ту виллу в Албене, которую я выбрала в прошлый свой визит. Передо мной на стол легли снимки чудесного двухэтажного дома с садом. И с видом на море.

– Нет, вы не поняли меня. Я хочу поехать туда и все осмотреть...

У девушки, ее звали Райна, загорелись глаза. Я сказала, что оплачу бензин, и мы поехали на ее стареньком «Мерседесе» на море.

Девушкой она оказалась молчаливой, говорила лишь тогда, когда ей приходилось отвечать на многочисленные телефонные звонки. Судя по тому, что мне удалось понять, у нее было довольно много клиентов, причем некоторые из них – русские, потому что она довольно сносно говорила по-русски. Узкие шорты, открытая блузка, не скрывающая белого кружевного лифчика, подкопченная на солнце кожа, длинные черные кудрявые волосы и сигарета в руке.

– Должна вас предупредить, – сказала мне Райна, когда мы въехали в Варну и остановились на светофоре возле кафедрального собора. – Вы, как чужденец (иностранец), не можете покупать землю. Виллу купить можете. А землю, на которой она стоит, – нет. Это запрещено нашими законами.

Я повернула голову и смотрела на нее с нескрываемым возмущением.

– Как это? А как же?... Что же мне делать? Ведь многие русские покупают здесь недвижимость!

– Правильно. Вот когда вы откроете свою фирму, тогда можете покупать сколько хотите земли.

– Значит, если я вас правильно поняла, я должна перед тем, как купить виллу, стать владелицей фирмы?

– Ну да! – спокойно отозвалась Райна, и я поняла, что подобные разговоры ей вести – привычное дело. – Сейчас посмотрим виллу, она – прекрасная, роскошная и, я уверена, сразу вам понравится. Там оставите задаток, вернетесь в Шумен, откроете свою фирму, у меня есть

приятель, который поможет вам сделать это в кратчайшие сроки, и после этого уже купите себе виллу вместе с землей!

– А может, сразу вернемся в Шумен? Я не хочу оставлять задаток прежде, чем открою фирму! Я ведь не знаю ваших законов. А вдруг выяснится, что я по каким-то причинам не смогу ее открыть, а задаток уже оставляю... Нет, Райна, поворачивайте обратно.

Настроение мое, и без того отвратительное, испортилось окончательно. И я смотрела на девушку уже с нескрываемым презрением.

– Предлагаю все-таки проследовать до моря, раз уж мы в Варне... – вздохнула Райна. – Доедем до Золотых Песков, позагораем, отдохнем, а потом уже и вернемся. А?

Она посмотрела на меня, как нашкодивший ребенок. Значит, я все правильно поняла! Эта девчонка хотела меня одурачить, а теперь, нисколько не раскаиваясь, собирается за мой счет поваляться на теплом еще сентябрьском солнышке.

– Ладно, поехали... – Я хотела ей сказать, что, может, мы все-таки прокатимся до Албены и посмотрим дом, но отступать было поздно. Там, на месте, она профессионально обманет меня и вынудит внести пару тысяч левов капору (задатка).

В ту минуту я пожалела, что рядом со мной нет ни моего брата, ни отца, которые быстро и мягко поставили бы ее на место. Жаль, что я не унаследовала от отца его твердый и волевой характер. Я была мягким, уступчивым человеком, и Магдалена сразу раскусила меня.

Золотые Пески. Залитый солнцем огромный, тянущийся на многие километры чудесный пляж, повсюду – дорогие отели первой линии, множество ресторанчиков, кафешек, повсюду слышна английская, немецкая, французская и, конечно, русская речь. Много благообразных старичков со своими старушками (шорты, майки, удобная полотняная обувь), путешествующие иностранные пенсионеры. Выбеленные временем стриженные волосы, загорелые руки в пигментных пятнах, дежурные улыбки, демонстрирующие ровные белые зубы. Я пожалела, что не взяла с собой купальник. Пришлось покупать прямо на берегу – бирюзовый, в серебряную крапинку. И полотенце.

Джорджи не звонил. Должно быть, ему мама не разрешала. Выпуская дым изо рта, она наверняка кричала что-то о гордости, о том, что меня надо крепко держать в руках...

Я нырнула в ледяную воду, которая спустя несколько секунд показалась мне теплой. Еще раз нырнула, с головой, со всеми своими проблемами и обидами. Вспомнились бесчисленные пляжи, где мы валялись на песке с Джорджи. Девушки буквально не сводили с него глаз. И я ревновала. Но эта ревность была приятной. Я знала, что он любит только меня.

Но вода не смыла с меня ощущения того, что я живу как-то не так. Что мой курортный роман на самом деле затянулся и пора бы определиться с моим будущим. С одной стороны, во мне еще продолжал жить Джорджи, мужчина, в которого я была страстно влюблена и которого уже успела принять как самого близкого человека. С другой, мне не посчастливилось – я разочаровалась в нем, он стал меня раздражать, поскольку его образ ассоциировался у меня с Магдаленой. Она была классической третьей лишней. Мысленно я уже несколько раз убила ее. Вот так!

Между тем мы лежали с Райной на песке, и мне до смерти вдруг захотелось поделиться с ней. Ведь она была почти моей ровесницей, хорошо говорила по-русски и могла бы понять меня. Но так мне не хотелось оказаться униженной в ее глазах! Не хотелось, чтобы она думала обо мне как о неудачнице, как о легкомысленной особе, выскочившей замуж за первого встречного смазливового парня. Разве так надо подбирать себе мужа, отца будущих детей? И разве достаточно одной красоты для крепкого брака?

Может, мне стоит все бросить и улететь в Москву? Вот прямо сейчас?! А отец потом пришлет в Шумен своего поверенного, который от моего имени разведется с Джорджи и отсудит у него половину имущества, купленного на мои деньги?

Я даже вскочила, окатив Райну россыпью золотого песка. Сердце мое бешено колотилось. Я уже видела себя мчащейся на такси в Варну, в аэропорт... В сущности, можно, если пока нет рейсов на Москву, остановиться в любой гостинице и ждать дня вылета. Можно жить свободной, счастливой жизнью, какой я жила до встречи с Джорджи... После развода нога моя не ступит на эту теплую, пахнущую травами, розами и солнцем землю! И Болгария будет вычеркнута из моего сознания навсегда.

Внезапно раздались какие-то крики, шум, на пляже произошло какое-то движение... Женский вопль прорезал солнечный спокойный день, внеся в него тревогу и страх.

Райна тоже подскочила, потому что продолжать лежать на песке, когда кто-то так истошно орет, было просто невозможно. Мы с ней, подхватив свои сумки, бросились к тому месту, где уже начинала образовываться толпа полуголых, загорелых людей с испуганными лицами.

Оказалось, что зарезали женщину. Вероятно, как утверждала ее подруга, пришедшая с ней вместе на пляж, это сделал ее муж – он страшно ревновал ее и не отпускал вдвоем с приятельницей на море. Женщина вышла из воды и обнаружила ее – под зонтом, прикрытую с головой полотенцем, которое быстро напивалось кровью... Никто из соседей ничего не заметил. Все, как обычно, были заняты собой, лежали, прикрыв глаза в сладкой дреме...

– Значит, подошел незаметно, пырнул ножом – и исчез. Растворился в толпе, – произнесла потрясенная Райна, глядя на торчавший из живота женщины нож.

– Она жива, видишь, еще дышит... Думаю, ей уже вызвали «Скорую», – сказала я, чувствуя, что готова разрыдаться. Нервы мои, оказывается, сдавали. А еще я вдруг поняла, что я – не свободна. Что у меня есть муж, который может тоже – вот так... ножом... Или это не про Джорджи? Может, мне хотелось, чтобы мой муж меня так же ревновал? Между тем прошло уже столько времени, а он так и не позвонил. Сидит сейчас со своей мамулей на террасе моей квартиры, курит, пьет кофе и рассуждает о том, что лучше бы ему было жениться на своей, на болгарке, тогда и разбирались бы легче...

Мы с Райной вернулись на наше место, закурили. Рядом с нами располагалось маленькое кафе, прямо на песке. Пол, сколоченный из гладких досок, шесть длинных столов, полированные желтые лавки, красные скатерти, и над головами парусом трепещет зеленый тент. Пахнет жареной рыбой и кофе.

Мы с Райной поняли друг друга без слов. Поднялись. Отряхнулись от песка и поднялись по ступенькам в кафе, сели возле большой, словно бы уставшей от жары пальмы. Мальчик в цветных пляжных трусах, вероятно сын хозяев, из большой пластиковой бутылки поливал высаженные в горшках герани и петунии, которые украшали это, в общем-то, примитивное заведение.

– Цаца, жареный хлеб и кола, – сказала Райна разгоряченному толстяку за стойкой, обладателю толстой золотой цепи и такого же мощного и тяжелого браслета на волосатой, мокрой от пота руке. Его рубаха в мультяшных пальмах и попугаях была тоже пропитана потом.

– И мне то же, – повторила я заказ Райны.

Цаца – это, я думаю, та же килька. Обвалянная в муке с солью и зажаренная в кипящем масле.

– Надо было пива взять, холодного, – вдруг пожалела я. – Ты-то за рулем, а я – нет.

– Так возьми!

Но из солидарности с Райной я тоже пила колу.

– Если она выживет, представляешь, сколько ей понадобится операций? Я всегда об этом думаю. У моей сестры операция была, так все дорого... И тогда я решила застраховать свою жизнь. Если со мной что-то случится, то страховая компания оплатит лечение, – сказала она.

– Хорошая мысль, – поддержала я ее, в душе понимая, что уж я-то страховаться никогда не стану. Что мне достаточно будет обналичить деньги, чтобы меня подлечили как следует. Но говорить этого вслух я, понятное дело, не собиралась.

– У тебя телефон молчит. Ты что, никому не нужна? – неожиданно спросила Райна и засмеялась. – У меня каждый день – сто звонков...

Я достала свой телефон и поняла, что он отключен. Вероятно, он отключился сам, а может, я сама его вырубилла во время ссоры с Магдаленой. Включив его, я увидела, что мне звонили много раз и послали шесть эсэмэсок.

«Ты где?» «Ответь». «Позвони». «Я схожу с ума». «Извини, что так получилось».

От этих скупых посланий мне стало еще хуже. Ни слова о любви! Джорджи меня не любит! И не любил никогда. Иначе он не слушал бы свою мать, а жил бы со мной, нашими общими интересами. А ее послал бы куда подальше...

И снова мне захотелось поговорить с Райной, рассказать ей обо всем, что произошло со мной за эти последние месяцы, спросить ее – нормальна ли эта ситуация, когда сын следует исключительно советам матери, для Болгарии или национальность здесь совсем ни при чем? Но я снова промолчала. Не хотелось выглядеть глупой и брошенной.

– Жаль, что мы не доехали до Албены... И не посмотрели дом.

– Так поедem!

Она сказала это так легко, что чувство легкой неприязни к ней, возникшее у меня еще в машине, когда она объясняла мне все о невозможности иностранцу купить землю, исчезло. Мы пообедали, сели в машину и покатили в Албену.

* * *

На высоком берегу сияла двухэтажная вилла, белая, с красной новенькой черепицей на крыше. Внизу дом опоясывала чудесная, с белыми фигурными балясинами балюстрада террасы, увитая густыми цветущими растениями; парадное крыльцо спускалось к кованым воротам, откуда открывался вид на море. Вилла буквально утопала в зелени.

– Как красиво! – вырвалось у меня, когда я вдруг представила, что этот прекрасный дом может принадлежать мне одной!

Странное чувство пьянящей свободы охватило меня – я подумала: как Джорджи неожиданно вошел в мою жизнь, так он может и исчезнуть из нее. Вместе со своей ненасытной мамашей! А новая волна разочарования накрыла меня, когда перед моим мысленным взором начала всплывать одна картина моей странной супружеской жизни за другой. И почему-то при мысли о моем муже я увидела его только со спины, а его лицо превратилось в какую-то расплывчатую маску. Получалось, что я никогда не любила его, просто увлеклась этим красивым парнем, который на поверку оказался совершенно не тем, кем я его себе представляла. Он – типичнейший маменькин сынок, для которого мнение Магдалены – самое важное в его жизни. Он не способен принимать собственных решений. И каждый его шаг продиктован именно ею. Пуповина, соединявшая их в ее чреве, так и не порвалась, и они взаимно подпитывают друг друга чувствами, мыслями, идеями, желаниями. Они – единственные близкие друг другу люди, и я в число таковых, к моему большому сожалению, так и не вошла. Ну и пусть, подумалось мне тогда с легкостью.

Однако пока я нахожусь в браке, покупать этот дом мне как-то не с руки. После развода придется делить его с моим (а он тогда уже станет бывшим) мужем.

И все равно эта поездка дала мне многое. Я хотя бы поняла, что могу без особых страданий расстаться с Джорджи. А это для влюбленной еще недавно девушки не так уж и мало!

– Значит, это Албена... – зачем-то произнесла я, глубоко вдыхая чистый морской воздух.

– Нет-нет, это вовсе не тот дом, который мы с тобой присмотрели, – неожиданно для меня сказала Райна. – Это другое место. А сейчас мы поедem в Албену. Там вилла ничуть не хуже. Но значительно дороже.

– Почему?

– Потому что это – Албена! – произнесла она многозначительно, словно я могла понять суть этого заявления.

– А! Золотые Пески, Албена, Балчик...

– Вот именно. Там все дороже.

– Может, посмотрим дом в Албене? – Я не могла признаться ей в том, что цена в данном случае роли не играет. Что я могу, если только захочу, купить хоть несколько таких vill на побережье.

Она посмотрела на часы:

– Хорошо, поехали.

Мы поднялись на машине на основную магистраль и заскользили по ровной гладкой дороге в Албену.

И снова я увидела чудесную виллу. Чем-то даже похожую на ту, которую мы только что осматривали. С той разницей, что она была поновее, располагалась повыше над морем и растительности на участке было гораздо меньше.

– Нет, та понравилась мне больше. И вообще, Райна, мне надо с тобой поговорить...

Мы вернулись в машину.

– Домой? – спросила она меня.

– Вернемся сначала на ту виллу, первую. Кстати, как называется это место?

– Кранево.

– Значит, в Кранево. Я хочу купить эту виллу, но чуть позже. Возможно... – Я помедлила, еще не представляя себе, как я вообще произнесу то, что собираюсь сказать. – Словом, я могу развестись с мужем, а потому мне не хотелось бы покупать эту виллу, находясь в браке. Я хотела бы найти хорошего адвоката, чтобы он помог мне с разводом, а потом уже куплю этот дом.

– Но он может быть продан уже завтра! У меня есть на него двое покупателей. Хотя они отчаянно торгуются... Хозяева не уступают, а отказаться от своих комиссионных я тоже не могу, потому что купила вот эту машину и взяла кредит...

Конечно, у каждого – свои планы. Хотя, возможно, она блефовала, как каждый профессионал. И никаких покупателей на виллу у нее пока нет.

– Я оставлю задаток. Ровно столько, чтобы ты покрыла свой кредит, а ты сделай так, чтобы с продажей повременили хотя бы месяц.

– Надо будет заключить договор. Все не так-то просто.

– Но что же делать? Вилла стоит дорого. Я нахожусь в состоянии развода и не собираюсь делить этот дом с Джорджи! – воскликнула я, с каждой минутой испытывая чувство необъяснимой радости при мысли о разводе.

– Понимаю. Надо все обдумать... А с адвокатом я тебе помогу.

* * *

Как часто я потом вспоминала эту поездку! С каким сожалением, что не осталась на этой вилле, а вернулась в Шумен! После морского побережья он показался мне мрачным и каким-то зловещим. И даже официантки в кафе, казалось, были настроены против меня. И продавщицы в магазинах, не желавшие понимать моего «болгарского». Конечно, я разговаривала с ними на гремучей смеси языков, но просила их лишь о каких-то простых вещах – продуктах, и, как мне казалось, даже любой болгарский ребенок мог бы меня понять.

Словом, вернувшись, я почувствовала себя уж очень мерзко. Мы договорились с Райной, что она позвонит мне и сообщит, когда ее знакомый адвокат сможет принять меня.

Я вернулась домой и нашла Джорджи, спящего в нашей спальне. Магдалена курила в гостиной и делала вид, что она не замечает меня.

На кухне был беспорядок, раковина – полна посуды. Мне подумалось почему-то: это даже хорошо, что я не успела еще купить посудомоечную машину. С каким-то злорадством я представила себе, как после моего отъезда Магдалена будет продолжать мыть посуду сама, своими руками, в резиновых перчатках.

Чтобы наметить план действий, я принялась мыть посуду. Знала, что Магдалена не станет разговаривать со мной до тех пор, пока не проснется Джорджи. Что только вдвоем они – сила. К тому же, возможно, она и сама находилась в той стадии, когда надо было определяться – то ли давать от ворот поворот русской снохе, теряя при этом «денежный мешок», либо попытаться как-то наладить с ней отношения, чтобы сохранить все купленное мною в браке, а то и вовсе успеть до развода (а я не считала, что она об этом не задумывалась!) прикупить еще парочку-другую квартир.

Но в таком случае она должна была бы встретить меня не с кучей грязной посуды, а совсем иначе и улыбаться при этом до ушей...

Ладно, посмотрим, что будет дальше.

Проснулся Джорджи, заглянул на кухню, молча подошел ко мне и обнял. Потом он как-то странно всхлипнул, уткнулся носом в мое плечо и сказал, что он любит меня, не может без меня жить и – он виноват в том, что произошло. Но и отвечать за поступки другого человека, даже если это его мать, он тоже не может.

– Я поговорил с ней, она очень сожалеет о том, что произошло. Она просто очень любит меня, и ей постоянно кажется, что меня от нее отнимают. Это обыкновенный материнский эгоизм.

– Так, может, ты женишься на своей матери? – холодноватым тоном предложила ему я. – А что, она еще вполне молодая...

– Я понимаю. Тебе больно...

Мне захотелось закричать, что все происходящее с нами в последнее время – полный идиотизм! Что так жить нельзя! Жизнь состоит не только из удовлетворения естественных человеческих потребностей. Она многогранна и интересна, и самое ценное в ней – это отношения между мужчиной и женщиной. И та любовь, которая вспыхнула между нами (а она именно вспыхнула, поскольку я не была готова к такому буйству чувств в себе самой), представляла собой куда бо́льшую ценность, чем этот ленивый, бездеятельный образ жизни, грозивший превратить нас обоих в животных! А поведение его матери, которая, обнаружив, что ее сноха – дочка русского миллионера, не стесняясь, скупает недвижимость, делая при этом вид, что она заботится исключительно о нас с Джорджи, а на самом деле только и думает о том, как бы разбогатеть за чужой счет, – просто позорно! Но я только и сказала:

– Понимаешь, Джорджи, вся беда, а может, и счастье в том, что мой отец и мой брат – оба очень любят меня, а потому с самого детства они позволяли мне делать все, что мне заблагорассудится. Другой отец на его месте ни за что не позволил бы мне выйти замуж за какого-то непонятого болгарского парня, по сути, нищего. Он не стал бы слушать мои доводы относительно того, что я люблю этого парня и все такое... Он постарался бы сделать все возможное, чтобы выдать меня замуж за миллионера, нефтяного магната и так далее. Потому что деньги в нашем мире (так было всегда и так будет) играют колоссальную роль! Но я приехала сюда, в Шумен, не для того, чтобы покупать квартиры для твоей мамы. Ты должен определиться – с кем ты! И чего ты хочешь. Если ты желаешь продолжать жить с Магдаленой и слушать ее и при этом оставаться владельцем купленных на мои деньги квартир, ты должен развестись со мной. Вот и все. Если же ты готов начать новую жизнь, где главным человеком буду я, тогда нам с

тобой следует жить самостоятельно и как можно реже видеть твою мать. Один раз в месяц – вполне достаточно. Ты должен заняться каким-нибудь своим делом, только определись – и я помогу тебе с начальным капиталом. Что ты умеешь делать? Чем хочешь заниматься? К чему, как у нас говорят, у тебя душа лежит? Если тебе не нравится возиться с ремонтом машин, ты мог бы, как предлагал мой отец, заняться бензиновыми станциями. Но этим надо заниматься плотно! Отец прислал бы тебе верного и надежного помощника, он подсказывал бы тебе все, как говорится, пошагово... Ты бы сам научился зарабатывать деньги и почувствовал бы себя совсем по-другому...

Он слушал, опустив голову. Его черные локоны закрывали лицо.

– Джорджи, ты почему молчишь? Чего ты хочешь?

– Я хочу есть, – сказал он с виноватым видом. – Когда я голодный, я ничего не соображаю. И, конечно, мне нужно время, чтобы понять, что мне нужно. А с мамой... С мамой мы вопрос решим. Вернее, я решу. Знаешь, – он еще крепче обнял меня и поцеловал в макушку. – Я очень испугался сегодня, когда ты вдруг исчезла... Мы с мамой не знали, где ты. Мы чуть с ума не сошли! Твоя машина стоит на месте, а тебя нет. Я обошел весь бульвар, но не нашел тебя. Где ты была? Ты – иностранка. С тобой может случиться все, что угодно!

– Я ездила к морю...

– Куда?

– Говорю же – к морю.

– И что ты там делала? И на чем ты поехала?

– Какая разница?

Мне не хотелось разговаривать с ним. Часы моего отсутствия ничему его не научили. Еще немного, и он начнет рассказывать мне о страшных цыганах, которые могут украсть меня! Станет разговаривать со мной, как с маленькой девочкой...

– Хорошо, сейчас я приготовлю что-нибудь, и мы поужинаем. Только скажи Магдалене, чтобы она убиралась, – сказала я в сердцах, не представляя себе, что буду кормить ее ужином. Разве что положив предварительно в ее тарелку внушительную дозу мышьяка.

– Но как я ей скажу, чтобы она уходила? Это невозможно! У нас так не принято!

– Тогда отправляйтесь с ней в ресторан и ужинайте там. А я останусь дома. Только потом отправь ее, пожалуйста, домой.

Я поймала себя на том, что ни разу еще не разговаривала таким тоном с мужем. Больше того – я не воспринимала его как мужа. Мой курортный роман завел меня в тупик. Мне предстояло избавиться от располневшего на банниках и жареной картошке здорового парня-эгоиста.

– Но... У меня нет денег. Наличных.

Можно подумать, что у него есть безналичные! Да его банковские карты пусты, как и карманы!

– Попроси у своей матери. Пусть она тебя покормит.

И Джорджи с матерью ушли. Тихо, как мыши, они покинули дом. А я приготовила себе бутерброды, сварила кофе и поужинала. Голова моя шла кругом. Я ругала себя за то, что так и не затеяла с ним разговор о разводе. Хотя, возможно, я правильно сделала, ведь лучше беседовать об этом с глазу на глаз.

* * *

Как ни странно, но мы прожили вместе с Джорджи еще четыре месяца. Оказывается, развестись в Болгарии не так-то просто.

Моя страсть к Джорджи улеглась. Улеглась на кровати, *рядом* с ним, но не с ним в обнимку. Как хотелось мне поговорить со своими подружками о страсти, о том, какая же она стихийная, неуправляемая и опасная для жизни штука. Смертельно опасная! Что под воздействием страсти люди способны совершать необдуманные поступки, вляпываться по самые уши в грязные истории, бросать мужей и детей; что страсть – это как океан или пусть даже как море, холодное, но оно кажется тебе горячим, пьянящим. Страсть – это полное сумасшествие! Но, что не так уж и плохо, страсть не вечна. Она, исчезая, оставляет вас наконец-то в покое, и вы, осматриваясь и видя те разрушения, что она принесла, все еще не верите, что все это произошло с вами. Это как после попойки в только что отремонтированной квартире: весь паркет залит шампанским по колено, в нем плавают крошки отвалившейся штукатурки, куски рваных обоев, а под ногами колются-режутся осколки хрустальной люстры... И повсюду следы борьбы – это вы боролись с собой, со своей чувствительностью, со своими неуправляемыми желаниями. Не удивляйтесь, если под вашими ногами захлопает кровь – она будет сочиться прямо из сердца. И растворяться в шампанском. А шампанское, в свою очередь выдохшись, превратится в приторный, прокисший виноградный сок...

Хотя иногда страсть напоминает мне теплый, пряный ветер, сносящий все на своем пути, все, что прежде радовало нас и вносило в жизнь ощущение определенного порядка.

Страсть – это спутанные волосы, потные тела, горячие губы, хруст морского песка на зубах, вкус вина на языке и разросшееся непомерно сердце, переполненное желанием любить.

Страсть, наконец, – это болезнь, которая ощущается лишь под утро, когда ты лежишь на голубоватых от утренних сумерек простынях и не чувствуешь в себе силы жить дальше. Когда каждая твоя клетка просит об отдыхе...

Страсть – это глубокий и черный колодец со слезами.

Все последние месяцы жизни с Джорджи – это была борьба моей памяти о страсти с реальностью. Мое тело довольно долго отвыкало от тела Джорджи. Думаю, нечто похожее происходило и с ним самим. Догадывался ли он, что я собираюсь оставить его? Насовсем? Не думаю. Оказалось, что он слишком глуп для подобных предположений. Ему думалось, что я ради брака с гражданином Евросоюза готова на все. И что мне не мила моя Москва. Глупость! Глупость! Я время от времени связывалась по скайпу со своими московскими подружками и просила рассказывать мне все-все, что происходило в их сумасшедшей, веселой, ночной московской жизни. И я словно присутствовала там, где были они. Еще мы перезванивались, и я могла услышать, замерев на балконе своей шуменской квартиры, шум и грохот музыки, крики и смех своих подруг, веселящихся на очередной вечеринке или в клубе. В такие минуты мне хотелось заказать такси и попросить отвезти себя в Варну или Софию (где есть самые близкие авиарейсы на Москву), и пропади все пропадом!

Я едва сдерживалась. Но, с другой стороны, я понимала, что прежде, чем я покину Болгарию, я разорву с ней свой гражданский брак. Аккуратно разрежу все нити, которые связывали меня с ней. С Джорджи. Хотя теперь мне его все больше хотелось звать Горги. Как того желала его мама.

Райна, как и обещала, помогла мне с адвокатом. Высокий, с прилизанными волосами и мясистыми красными щеками, в джинсах, светлых пиджаках и неизменных ботинках со шпорами (жуть!), Венци (Венцеслав! Ни больше ни меньше) подготавливал почву для развода.

Конечно, я могла бы подключить к этому делу хотя бы моего брата Илью, который немедленно примчался бы в Шумен и разругал бы ситуацию в считанные дни. Сначала он бы морально уничтожил Джорджи вместе с его мамашей. Не сдержался, упрекнул бы его, во-первых, за то, что не было свадьбы. Во-вторых, за то, что муж нигде не работает и живет за счет жены. В-третьих, в-четвертых... Он превратил бы Джорджи в фарш! Потом нашел бы людей, которые помогли бы ему быстро, без проволок, развести нас. И увез бы меня домой, целую, невреди-

мую. Не знаю, не понимаю, почему я не поступила так? Почему не вызвала брата на подмогу? Вероятно, мне было элементарно стыдно, что я вот так взяла и вышла замуж, не подумав. Хотя знала ведь, что уж Илья-то никогда и ни в чем меня не упрекнет, что он любит меня самозабвенно, любит и скупает.

Конечно, мы перезванивались, и я старалась говорить голосом счастливой новобрачной. Вероятно, у меня не так уж и плохо получалось, раз Илья ни разу ничего не почувствовал. Или он просто знал, что, если мне будет худо, я скажу ему. Обязательно.

«— Послушай, ты же техник, ты же столько лет держал эту проклятую автомастерскую! Забыл, как устроены тормоза? И что там надо перерезать, чтобы эта курва потеряла управление и разбилась в пыль?»

До сих пор слышу этот голос моей свекрови. Слово «курва» на болгарском означает самое худшее из всех определений, которые только могут быть отнесены к женщине.

«— Думаешь, это так просто – убить свою жену?

– Ты не понимаешь... Вы – на грани развода! И ты, и она – вы оба это знаете. Но она что-то задумала, я это чувствую! Иначе она давно бы уже подала на развод. Думаю, она собирается вызвать сюда своего отца. А он, уж будь спокоен, сделает все, чтобы отсудить у нас все нажитое... Вернее, ты сам понимаешь... Раз уж так все сложилось, что у нас появились эти апартаменты, мы должны сделать все возможное, чтобы это сохранить. У тебя впереди целая жизнь, ты молод. Ты же не собираешься ишачить где-нибудь, ремонтируя машины или занимаясь какой-нибудь другой грязной работой? Твой отец был, ты уж извини, белоручкой, и ты вырос точно таким же. Он всю жизнь болтался и без работы, и без каких-то перспектив... А тебе судьба дала шанс! И ты не случайно встретил Грету... Тьфу, имя-то какое!»

Когда я случайно услышала все это, то подумала – я просто сплю и мое воспаленное воображение плавно перетекло в другую грань своего существования, я уснула с мыслями о разводе, в страхах за свое будущее, потому и приснилось мне все это... Ну невозможно было поверить, что Джорджи, которого я еще недавно страстно любила, вдруг превратился в моего потенциального убийцу, планирующего мою смерть! Надо было что-то предпринимать, как-то остановить этот разговор...

Они, Джорджи и Магдалена, не знали, что я уже вернулась из магазина, где покупала пиво. У меня мягкие швейцарские кроссовки, и я ступаю в них бесшумно, как тень. Записать бы этих заговорщиков на диктофон, чтобы потом предъявить их беседу полиции...

Однако меня захлестнула вдруг такая жаркая волна ненависти, что я подумала – и полицию-то вмешивать в это сугубо семейное дело не следует. К тому же она наверняка будет на стороне своих соотечественников. Мне надо защититься, это первое. Второе – сделать так, чтобы они сами попались в свою же ловушку. Но вот как это устроить? Что бы такое придумать?

Одно было ясно: оставаться в квартире, где двое людей собираются меня убить, – опасно.

«— Но если придет ее отец, будет настаивать на расследовании катастрофы и выяснится, что кто-то подрезал тормозные шланги ее «Ситроена», то подозрение в первую очередь падет на меня. Лучше сделай это ты, мама.

– Бог с ними, с этими шлангами... Существуют и другие способы убийства. Яд, к примеру. Его можно подмешать в кофе, но сделать это надо не дома, а где-нибудь в кафе или в ресторане... Все нужно обдумать, Горги. Иначе мы снова останемся нищими! А я так привыкла

к этой квартире! Мы здесь так хорошо все обустроили. Когда ее не станет, я непременно куплю посудомоечную машину... Жизнь так коротка, я не хочу доживать свой век в нищете...

– А тебе ее не жалко? Совсем? В сущности, она же не сделала тебе ничего плохого. Напротив – она купила тебе квартиру, и вообще, мы все эти месяцы жили, как у Христа за пазухой.

– Какой же ты у меня еще дурачок, Горги! Да, вот еще что... Помнишь мою сестру? Она умерла от обыкновенного перитонита. И в больнице к ней относились как к нищей. Когда она умирала, к ней никто даже не подошел! Все тогда говорили, когда она умерла, что, будь у нее страховка, за ней бы лучше присматривали. Муж бы занял денег, а страховая компания выплатила бы им все, что они потратили на лечение. Вот как бы нам уговорить Грету, чтобы она застраховала свою жизнь?

– Мам, ты сама-то слышишь, что говоришь?! Зачем ей, миллионерше, какая-то там дурацкая страховка? Ей достаточно только пошевелить пальцем, и она выкачает из банкомата все наличные, чтобы расплатиться за лечение. Нет, этот номер не пройдет».

Услышав это, я вдруг поняла, что именно этого-то мне и не хватало. Страховка! Вот и Райна летом говорила о страховке... Предположим, что я застрахую свою жизнь, Магдалена не станет ждать и постарается привести свой план по моему уничтожению в жизнь. Она будет торопиться, я это уже поняла.

Я уже видела свою разбитую, дымящуюся машину на дне оврага, а в ней – обгоревший труп... Но не свой, разумеется! Магдалена заявится в страховую компанию и предъявит этот труп, скажет, что это я погибла. Разве там, в этой конторе, не обратят внимание на то, что я только что застраховала свою жизнь – и тут же погибла? Начнут расследование, в результате которого выяснится, что тормоза моей машины были намеренно испорчены кем-то...

Только вот где раздобыть труп? Украсть из морга? Но как? Поручить это кому-нибудь из тех, кто имеет доступ в это святая святых, в это страшное место?..

Единственным человеком, с кем я могла бы более или менее удачно договориться, была Райна. К тому же она нуждалась в деньгах. Но как будет действовать она? Местная, она найдет нужного человека, пообещает ему деньги... Что ж, неплохой план! Вот только надо бы встретиться с ней, поговорить. Хотя, представляя себе подобный разговор, я словно слышала, как она советует мне снова обратиться к адвокату, чтобы тот помог поймать за руку злоумышленников. Уж он-то наверняка знает, что нужно сделать, чтобы предотвратить убийство и одновременно – посадить за решетку Джорджи с его матерью.

«– И все же ты попробуй... Знаешь, я много размышляла о вас с Гретой. Все спрашивала себя – почему она до сих пор не подала на развод? А что, если причина кроется не в желании разорить тебя и не в том, что она как будто чего-то выжидает... Может, все гораздо проще и она любит тебя? Ведь именно это чувство привело ее сюда. Она могла бы выйти замуж за миллионера, которого нашел бы ей отец. И могла бы жить не в Болгарии, прямо скажем, не самой богатой стране мира, а во Франции, в Англии... Ты не представляешь себе размер состояния ее отца... Он – Крез!!!

– К чему ты клонишь?

– К тому, что можно было бы поиграть на ее чувствах, понимаешь?

– Я не совсем понимаю...

– Вот чего она хочет, ты знаешь?

– Да. Она хочет дом, сад, семью и детей.

– Вот и купите дом! У моря. Красивый, дорогой дом. И пусть она там себе сажает свои растения, разбивает цветники... У нее же специальность такая – ландшафты.

– А я что? Превращусь в ее садовника? Стану полоть траву? Она ведь уже не воспринимает меня всерьез. Она поняла, что я никогда не буду работать... Она и так уже презирает меня.

– Так сделай вид, что ты собираешься работать. Скажи, что тебя тоже увлекает ландшафтное проектирование. Во всяком случае, это лучше, чем заниматься бензиновыми станциями или ремонтом машин. Пусть она научит тебя, как обустраивать сады и парки. Будете сидеть с ней в уютном теплом доме и высаживать цветочки! Влюби ее в себя – по-настоящему, а потом плавно перейди к тому, как ты дорожишь ею. Словом, подведи ее к разговору о страховке.

– Мама, это слишком грубо.

– Ничего не грубо! Словом, сделай так, чтобы она окончательно поверила в то, что ты собираешься жить с ней дальше, намерен завести с ней детей, что ваш брак – это навсегда... И вот когда ты полностью усыпишь ее бдительность, тогда и приступай к уговорам и беседам о страховке. Но уж если ничего не получится, ты все сделаешь так, как мы с тобой договаривались. Тормоза ли выведешь из строя, отравишь ли ее – роли не играет. Но когда ее не станет, страховые агенты, появившись в вашем доме, убедятся в том, что вы были чудесной парой и строили планы на будущее. Ты покажешь им, изображая убитого горем молодого супруга, ваши дизайнерские проекты, предъявишь заготовленные саженцы и семена. Горги, зато, когда все закончится, у нас будет дом на море!!!»

Почему я раньше не поняла, что Магдалена – психически нездоровый человек? Ведь тот план, что она предлагала ему, – самая настоящая дикость! К тому же сколько в нем было цинизма и расчета! Как же я ненавидела ее в ту минуту...

Я стояла в передней, слушая их разговор, и понимала, что не могу оставаться в этом доме ни минуты.

Я вышла на цыпочках из квартиры и пожалела, что не прихватила с собою теплую непромокаемую обувь и шубу. На мне была лишь легкая спортивная куртка, тонкие джинсы и кроссовки – словом, одежда, в которой можно сбегать в соседний магазин за сигаретами или пивом.

Между тем какая же на улице бушевала непогода! Дождь со снегом бросался на съезжившихся, кутавшихся в легкие тонкие куртки прохожих. Я давно уже заметила, что в этой теплой стране к зиме относятся крайне несерьезно, и даже в пятнадцатиградусный мороз практически никто, кроме пожилых людей, не носит головные уборы. И обувь все предпочитают почти летнюю. В магазине резко встретишь сапоги на мутоновой подкладке, самый распространенный утеплитель – байка. Зато на полках красуются сапоги из искусственной замши, даже из вышитого атласа. Не обувь, а какие-то игрушки для взрослых людей! Люди, словно бы на миг выйдя из дома, бегут по улицам, замотав вокруг шеи шарф и будто зная, что через пару часов холод и выюгу сменит теплый погожий денек. Моя теплая обувь и шуба вызвали бы, пожалуй, недоумение у граждан – мол, это тебе не русская зима! Может, и не русская, но все равно – холодно.

Я забежала в кафе. Горячий кофе мне не помешал бы, хотя бы для того, чтобы немного согреться и собраться с мыслями.

Итак. Меня собираются убить. Пусть не сегодня, а позже, когда-нибудь, когда я застрахую свою жизнь, но все равно – неприятно.

Бежать? Возвращаться в Москву? Но где гарантии, что зло будет наказано? Что Джорджи следующим летом не отправится на экскурсию в Москву и не привезет оттуда на свою родину следующую русскую дурочку? У Джорджи есть многое из того, что нравится женщинам, и в первую очередь – это его породистость, его природная красота и обаяние. Глядя на него, просто невозможно себе представить, что он способен на убийство. Кроме того, на его высоком гладком лбу имеется печать интеллекта. То есть он не похож на пустого безголового красавчика. При виде его человеку кажется, что Горги не только красив, но и развит, умен, что на него можно положиться. Кроме того, он обладает определенной интеллигентностью, у него неплохо поставлен голос, он довольно солиден, и даже легкая полнота ему идет. Такие

мужчины очень нравятся женщинам. Любой девушке приятно будет пройти с ним под ручку, не говоря уже о том, чтобы заполучить такого породистого жеребца в личную собственность. А уж какие красивые от него родятся дети!

Нет, так просто я сдаваться не намерена. И я все сделаю сама! Без папы и Ильи.

И тут – я не поверила своим глазам – на дисплее телефона, под приятное мурлыканье сигнала, появился портрет папы. Он позвонил мне ровно тогда, когда я о нем подумала. Когда решила для себя, что не стану отвлекать его от работы и тем более пугать его, что я – его дочь, а потому все же, наверное, унаследовала кое-какие черты его характера.

– Па? Привет! – Мне показалось, что лицо мое свело судорогой, и я, сдерживая слезы, зашебетала: – Знаешь, здесь зима такая мягкая... Все ходят в костюмчиках, легких курточках...

– Грета, как дела? Ты давно не звонила. Не писала. Мы с Ильей переживаем. Это хорошо, что ты сейчас скупаешь недвижимость, поверь мне, в Болгарии она скоро поднимется в цене. Вот переживем кризис – и купим часть побережья в районе Созопола. Я знаю также, что англичане, уставшие от своих дождей и туманов, тоже скупают домишки в деревнях. Но меня интересует другая сторона твоей жизни... – Голос его звучал встревоженно, но был по-прежнему мягким, родным. – Ты счастлива?

– Да, папа... – промямлила я, не найдя в себе сил ответить бойко, весело, как и подобает влюбленной и любимой новобрачной.

– Понятно. Грета, ты знаешь, я никогда не давил на тебя, ты всегда шла своей дорогой. Но твой Джорджи – бездельник и бабник! Я навел справки. Вот не хотел этого делать, но все равно – не выдержал. Возможно, тебе об этом больно слушать, но два года тому назад он жил с одной французской подданной, ее звали Мари Аньес, она была старше его почти на пятнадцать лет... Так вот. Он прожил с ней в Тулузе около полугода, обобрал ее до нитки и исчез, бросив ее беременной. Это в ее-то возрасте! Еще. У тебя есть свекровь. В свое время на нее было заведено уголовное дело, ее подозревали в убийстве ее мужа...

Я, слушая папин голос, ловила себя на мысли, что подобная информация обычно «подается» в конце какого-нибудь криминального романа, главной героиней которого я сейчас и являлась. А тут – полное разрушение конструкции сюжета! И мне, как незыблемую данность, преподносят на блюдечке преступницу – свекровь.

– И что, это действительно она его убила? Кажется, он умер на операционном столе. Не знаю, чем он болел.

– Она была признана душевнобольной, провела восемь месяцев в психиатрической клинике, после чего ее отпустили. Вроде бы она поправилась, – сказал он.

– И ты, зная обо всем этом, молчал?!

– Я узнал все это всего лишь пятнадцать минут тому назад. Пока тебе дозвонился... – словно оправдывался мой папа. Я была потрясена. – А раньше я не занимался этим вопросом потому, что мне и в голову не могло прийти, что ты, ты – моя дочь, – можешь вляпаться в такое... семейство!

– Что натолкнуло тебя на мысль навести справки о моем муже и свекрови?

– Твое молчание, – коротко ответил он, и я услышала, как он вздохнул там, в Москве. – И еще – твой тон. Я же твой отец, я знаю тебя как облупленную! Я знаю твой голос, когда ты бываешь счастлива, и знаю, как он дрожит, когда тебе совсем плохо. К тебе отправить Илью? Вот, он буквально рвет из рук трубку...

– Привет, сестренка! – закричал брат.

И тут я разрыдалась.

– Ты что? Совсем уж плохо? Возвращайся! Сделаешь наш любимый с отцом омлет с клубникой. А если серьезно, то вали оттуда, все бросай и приезжай... Поедем охотиться на львов!

– Я приеду, но только не сейчас.

– Хочешь привести все дела в порядок? Развестись? Я могу помочь тебе в этом.

Мне захотелось крикнуть в трубку: «Папа, Илья, меня собираются убить! Увезите меня отсюда!» Хотелось, но я не крикнула. Я покину эту страну только после того, как куплю здесь ту чудесную виллу в Кранево! Но куплю я ее, уже будучи свободной.

– Скоро Рождество... У меня есть подруга, думаю, я отмечу праздники вместе с ней, за городом. Потом она поможет мне с разводом, у нее хорошие связи. Вот тогда я и вернусь. Правильно ты говоришь – я хочу сперва закончить все свои дела.

– Обещай в следующий раз знакомить нас со своими мужьями. – Я почти воочию увидела, как Илья грозит мне пальцем. – Договорились?

– Хорошо. Папу мне дай!

– Грета, я буду тебе звонить, – сказал отец.

– Слушать мой голос?

– Не только. Я соскучился! К тебе я не приеду – не хочу. Боюсь, что пришибу этого твоего Джорджи... А с Магдаленой этой... будь поосторожнее. У нее с головой не все в порядке, сказал же. Ты бросила курить?

– Нет, – честно призналась я. – Еще больше курю, чем в Москве. Па, здесь все пьют кофе и курят. Прямо образ жизни. Вот и я обогарилась.

– Это не только в Болгарии. Я вот вернулся недавно из Германии, так там – та же картина. Кстати, я купил тебе плед. Белый, шерстяной. Как ты хотела. Возвращайся, зарывайся в свою теплую норку и приходи уже в себя... А Илья накопил тебе разных платьев и штанов. Привез из Парижа. Звучит, конечно, пошлово, но платья все – летние, в цветах, с пышными юбками. Ты же у меня такая красавица! Будь моя воля – ни за что бы не отдал тебя замуж. А ты вон вышла замуж и даже на свадьбу не позвала...

– Так не было же ее...

– Да я знаю, знаю... Будем считать, что это у тебя случилась репетиция супружеской жизни. Теперь ты хотя бы узнала, чего не надо делать и каких мужиков следует посылать сразу...

– Постой... А как же та женщина? Француженка?

– Она родила мальчика. Очень красивого.

– Господи, откуда ты знаешь-то?!

– Мне прислали его фотку, по электронке! Я направлял в Тулузу одного своего человека, он встречался с Мари. Она много чего рассказала про твоего Джорджи!

– Плохого? – спросила я упавшим голосом. Я старалась говорить тихо, поскольку в кафе было не так уж много посетителей.

– Она была влюблена в него. Как и ты. И это – главное. Думаю, что она до сих пор его любит. И нисколько не жалеет, что содержала его, истратила на него все свои деньги.

– Па, я тут кое-что задумала... Потом объясню. Жди моего звонка и... постарайся меня понять.

«Па, забери меня отсюда!!!»

* * *

Смысл и суть того, что произошло со мной на самом деле, дошли до меня лишь после разговора с отцом и братом.

Я заказала еще кофе и бутерброд, понимая – чтобы реально претворить свой план в жизнь, осуществить свою месть этим заговорщикам, мне понадобятся силы. Но даже после съеденного бутерброда сил у меня не прибавилось. Я сидела за столиком, и мне казалось, что я только за последние пару часов похудела килограммов на двадцать. Из своих пятидесяти. Колени дрожали, а где-то глубоко в груди застрял острый кол. Чувство, знакомое многим, кого постигло разочарование, кто не знает, как ему жить дальше. Когда рушится жизнь, и ты видишь, как падают с неба ее хрупкие обломки.

Вечером в это заведение с оранжевыми стенами, пальмами в кадках, запотевшими стеклянными стенами и малиновыми кожаными диванами набивается много посетителей. Те, кто победнее, заказывают маленькие круглые картофелины «чоли», посыпанные укропом, и какао, которое здесь называется «горячий шоколад». Кто побогаче – пьют ракию, тяжелые алкогольные коктейли и берут «мезе» – сборную закуску из тоненько настроганной сухой колбаски «суджук», ветчины и солений.

Рядом со мной расположилось целое семейство цыган с мамашей во главе, черноглазой, худенькой, крикливой женщиной в черной искусственной шубе и с сигаретой в прокуренных зубах. Они никак не могли сделать заказ, и официантка нервничала, боясь запутаться, сколько им принести порций кофе и сколько пирожных.

За окном свирепствовала фиолетовая метель, по толстым стеклам соскальзывали вниз густые, серые, похожие на мокрый сахар горсти талого снега.

Я не представляла себе, куда мне податься. Мысли снова и снова возвращались к Райне. Я могла бы ей позвонить и попросить помочь, подсказать, как мне поступить. В моей памяти закрепились эта очень умная, хваткая и практичная девушка. С другой стороны, то, что я задумала, тоже пахло криминалом, а потому эта девушка могла подставить и сдать меня в любую минуту. Вот так я рассуждала тогда – и испытывала при этом чувство облегчения от того, что мне теперь не придется ни перед кем отчитываться в своих планах.

Итак! Мне требовался труп. Труп молодой девушки, на который я бы надела свою одежду и украшения. Джорджи со своей матерью с радостью его опознают. И машина завертится.

Стоп! Прокрутив в голове возможность оформления своей страховки, я же так ничего и не предприняла... Полагаю, я правильно сделала, поскольку в самое ближайшее время, затеяв разговор о страховке, я насторожила бы своих родственников.

Я вышла из кафе и сразу же нырнула в первый попавшийся магазин, где купила шерстяной длинный шарф и обмотала им грудь и горло. Потом узкими, круто спускавшимися вниз улочками и переулками я добралась до дома и, увидев на парковке свой покрытый толстым слоем мокрого снега красный «Ситроен», села в него и задумалась. В любую минуту здесь мог появиться мой муж с ножом, чтобы перерезать тормозные шланги. Хотя надо не знать Джорджи, чтобы предположить, что он способен в такую непогоду вообще выйти из дома! Наверняка они с мамашей сейчас ужинают вдвоем, расположившись в уютной кухне, купленной в соседнем магазинчике курицей гриль и салатом из перцев. И думают-гадают – куда я запропастилась? Вообще-то за то короткое время, что мы с Джорджи прожили вместе, я успела его приучить к тому, что время от времени я совершаю длительные пешие прогулки по городу. Но сейчас, в такую непогоду, когда даже бездомных собак впускают погреться в теплые подъезды домов или в подсобки кафешек, предположить, что я гуляю... не совсем же они сошли с ума! Но думаю, им хорошо вдвоем, без меня, и, похрустывая куриными косточками, они сладко мечтают о том, как лишат меня жизни, каким образом отправят меня на тот свет.

Еще пару часов тому назад тормозные шланги не были перерезаны, иначе Джорджи похвастал бы этим перед матерью. Вряд ли он сделал это в такой снег и дождь. Но все равно мне становилось как-то не по себе, когда я размышляла о том, что со мной произойдет, если

шланги все-таки уже «готовы» и моя стоявшая на крутой парковке машина, едва я в нее сяду, покатится на большой скорости вниз, прямехонько в сторону бензиновой станции...

Что же делать? С другой стороны, хорошо, что я как бы предупреждена, а поэтому все же мне стоит попытаться понять, все ли в порядке. Ведь целая, неповрежденная машина – это свобода! Свобода перемещения в пространстве. Это значит, что у меня будет и крыша над головой, и возможность поехать, куда я захочу. В сумке аккуратной пачкой лежали мои банковские карты. Гостиниц в Шумене – по сто штук на каждом углу!

Я решилась и с бьющимся сердцем завела мотор. Дверцу я оставила приоткрытой на случай, если все-таки мои тормоза неисправны. Я немного проехала вперед и надавила на тормозную педаль. Все прекрасно! Чудесные тормоза, чудесная машина! Я включила кондиционер, музыку и покатила по дороге вниз, к бензиновой станции. Благополучно заправилась и поехала куда глаза глядят.

Море шумело и плескалось, штормило и бешено накатывало на берег в восьмидесяти километрах от меня. В Варне – это передали по радио – штормовое предупреждение. Вот и хорошо! У меня в душе – тоже штормовое предупреждение. И настроение тоже – штормовое. И дорога, трасса София – Варна, куда я вылетела на хорошей скорости, была почти пустынна. Кому охота в такую погоду ехать к морю? По черной мокрой ленте скользили, грохоча, огромные груженные фуры с турецкими номерами, разрисованные красочными картинками микробусы, везущие из Софии, если верить рекламным «лейблам», печенье, шоколад, напитки, мороженых цыплят, газ... Все вокруг меня были чем-то заняты, вели обыкновенную жизнь, зарабатывая деньги и заботясь о своих семьях, куда-то спеша и на что-то надеясь. Я же мчалась в неизвестность, обуреваемая единственным желанием – отомстить своему какому-то ненастоящему, картонному мужу и его злодейке-мамаше за их жестокий заговор, за их желание лишить меня жизни!

Миновав примерно половину пути, я призадумалась: а куда это я, собственно, еду, – и тут же дала себе вполне отчетливый ответ: в Кранево. Спрятаться на «моей» вилле!

Надо сказать, что фирму открывать, как посоветовала мне Райна, чтобы выкупить виллу вместе с землей, я не торопилась. Подумала, что все-таки не доверяю ни самой Райне, ни ее дружку-адвокату Венци, да и законов болгарских я не знаю. А потому все это я успею сделать и после развода. Однако капору (задаток) Райне я вручила. Микроскопический, в тысячу евро, но – все же... Причем договор быстренько составили от руки, словно мы обе знали, что он никакой юридической силы не имеет. Так, договорились девушки между собой, по-приятельски. Но я как чувствовала, что вилла эта еще долго не продается – слишком уж дорога она для этих мест. Еще мне подумалось, что таких вилл на побережье – не один десяток, эта уйдет, другая появится.

И вот сейчас, зная, что вилла еще не продана, она мокнет под этим снегом и дождем, всеми брошенная и позабытая (но не мной!), я и мчалась туда, бессознательно, как в единственное подходившее мне убежище. Зная, что уж там-то меня точно искать никто не будет. Вернее, что меня вообще никто искать и не собирается. Что я здесь, в этой стране, не нужна никому. Разве что мои деньги. По сути, всем, кто общался со мной в последнее время, и нужны были от меня только мои деньги. В том числе и Райне. Но с ней-то все понятно, у нее бизнес. А вот из-за Джорджи было обидно. И больно.

Ветровое стекло слегка дрожало под толстым слоем бьющей в него воды, казалось, дождь никогда не кончится. И он словно уплотнялся с каждым следующим километром, приближавшим меня к морю. Появилось такое ощущение, словно еще немного – и мы вместе с остальными шальными машинами, рискнувшими появиться на этой дороге в такую декабрьскую мутную грозу, плавно въедем в мелкое холодное море и... утонем...

На самом деле в машине было тепло и уютно. И я заставила себя не думать о том, что случилось бы со мной, если бы я случайно не подслушала разговор Джорджи с Магдаленой. Вероятно, судьбе было так угодно, чтобы я находилась в магазине ровно столько времени, чтобы потом подоспеть к этой важной и весьма эмоциональной беседе моего мужа со своей матерью, договаривавшихся о том, какую именно смерть мне следует уготовить. Значит, умирать мне еще рановато! Раз так, надо продолжать жить и по возможности радоваться этой самой жизни.

Тяжело вздохнув, я прибавила газу и въехала в притихшую в это хмурое несезонье, замерзшую Варну. Уверенная в том, что вилла, куда я направлялась, пуста и поджидает меня, я решила закупить продуктов и всего самого необходимого, чтобы продержаться там пару дней. Потом – война свои планы покажет. Всегда же можно поехать в Кранево – это жилой и не такой уж маленький поселок, где наверняка даже зимой функционируют магазины. Ну, хотя бы один.

Искушение позвонить Райне и предупредить ее о том, что я собираюсь спрятаться от мужа в Кранево, было велико. И хотя благоразумие подсказывало мне, что сделать это все же необходимо, чтобы Райна в свою очередь предупредила хозяев виллы о том, что в ней на время поселится потенциальная покупательница, все равно – я не позвонила. Не предупредила ее. Уж скрываться, так ото всех! А что, если в дело вмешается полиция и займется моими поисками? И каким-нибудь образом она выйдет на Райну? Станет ли она тогда молчать? Нет уж! Пусть ни одна душа на свете не знает, где я. Так спокойнее. В крайнем случае, если кто-нибудь из соседей увидит, что в доме горит свет, и они позвонят хозяевам и сообщат им об этом, уж я смогу как-нибудь разобраться с этими людьми. Да я просто назову им имя своего агента, скажу, мол, разве Райна вас не предупредила, что я собираюсь немного пожить здесь? Ну и что, что я подставляю Райну? Уж мы с ней потом как-нибудь разберемся. Она неглупая девушка, давно поняла, с кем имеет дело, а потому сделает все возможное, чтобы уладить конфликт и не портить со мной отношения. К тому же вполне возможно, что на побережье в это время года вообще никто не живет.

Рассуждая подобным образом, я приехала к огромному магазину и затерялась в нем... Погрузив в машину пакеты с продуктами, я, слабо ориентируясь в пространстве, все же выехала на трассу, ведущую к морю, к Золотым Пескам. Нарядные летом коттеджи и отели сейчас, посреди промозглого декабря, выглядели мрачновато. Море кипело ледяной ртутью. Хотелось забиться куда-нибудь в теплую норку и проспаться в ней до солнечных погожих весенних деньков...

Когда мы были тут с Райной, я не особо-то смотрела по сторонам, а потому имела весьма смутное представление о том, где именно находится Кранево. Конечно, в машине была карта, и я довольно долго изучала ее, прежде чем отправиться туда. Но карта – это одно, а реальное побережье, застроенное бесчисленным количеством отелей и особняков, – это совсем другое. К тому же море находилось справа от меня, и мне иногда, когда проявлялся узкий просвет между строениями, удавалось увидеть его холодные серые студенистые фрагменты, однако поворотов вправо оказалось не так уж и много, и, как правило, рядом с каждым из них был установлен щит с указанием названия отеля. Получалось, что, стоит мне только свернуть, как я въеду на частную территорию. Это потом я поняла, что все это – обыкновенные ориентиры, чтобы туристы не тратили время в поисках того или другого отеля. И что, спускаясь к морю, увидишь не один десяток разных отелей, в том числе и без указателей.

Дрожь во всем теле не проходила, и я очень боялась, что мне прямо в машине станет плохо. Скорее бы этот поворот на Кранево... Скорее бы уже мне выйти из машины и глубоко вдохнуть пусть и этот ужасный влажный воздух! Все лучше, чем отключиться в машине и врезаться на ней в какой-нибудь услужливый столб.

Внезапно дождь прекратился, и воздух словно заledenел, потемнел. И все вокруг стало какого-то мертвенно-черного цвета. То, что у моря все-таки кто-то еще живет, доказывали

редкие, светящиеся оранжевым светом окна особняков. Отели же зияли черными, спящими глазницами окон. Разве что где-нибудь на первом этаже светился тусклый огонек, должно быть, там обитали сторожа.

Я все-таки нашла этот поворот, и машина покатила по широкой и уже знакомой мне дороге прямо к пляжу. Я знала, что стоит мне свернуть снова направо и проехать еще несколько метров, и я увижу эту виллу. Я не могу не увидеть ее, поскольку она находится довольно высоко над морем и у нее новая красная черепичная крыша. Я уж не говорю о том, что непременно вспомню круглую, выкрашенную свежей белой краской террасу с изящной балюстрадой. Конечно, зелени сейчас там нет, все пожухло и почернело, но все равно что-то я узнать смогу.

Тот факт, что у меня не было ключа, меня не особенно-то волновал. Подумаешь, разобью оконце где-нибудь в туалете, пролезу туда, а уж потом, если вдруг появится хозяин, я все объясню ему. Он увидит, что я не бомж, а вполне приличная девушка, к тому же я, если уж у нас возникнет серьезный конфликт, сразу заплачу ему за разбитое окно.

И все равно я не верила, что в случае, если мне придется встретиться с хозяевами этой виллы, у меня возникнут какие-то сложности. Если они до сих пор еще не нашли покупателя и тут окажется, что единственным и самым надежным покупателем окажусь именно я, думаю, мы даже подружмся с ними! Деньги, как я знала на собственном опыте, поистине творят чудеса! Люди при виде денег или чувствуя выгодную для себя сделку, становятся сговорчивыми, мягкими, как уши спаниеля.

При виде знакомой мне уже крыши я прибавила скорость, и машина, подпрыгивая на разбитой грязной дороге, подвезла меня к массивным воротам, соединявшим части красивой решетки ограды. Ну, вот и все! Совершенно пустынная и, как я и предполагала, нежилая в это время года местность. По обеим сторонам узкой, до неприличия ухабистой дороги стили в зябкой своей забытости и ненужности коттеджи, закрытые высокими заборами величественные особняки, легкие курортные виллы.

Темнело очень быстро. Вернее, было уже почти совсем темно, да только мои глаза, привыкшие к сумеркам, пока еще отлично видели все то, что мне было нужно. А именно – саму виллу, гараж слева от ворот, под сенью огромного кипариса, казалось упирившегося макушкой в нависшее над моей головой какое-то сугробное облако. Сквозь калитку, примыкавшую к воротам, я прошла спокойно, она была «заперта» куском проволоки. Вот с самими воротами мне пришлось повозиться – там заржавела массивная металлическая щеколда. Но и ее мне удалось сдвинуть с места, распахнуть ворота и въехать на территорию своей будущей собственности.

Гараж, конечно, оказался заперт. Как же иначе? И ключ мне, понятное дело, никто не оставил. На бетонной дорожке перед воротами, под ковриком...

Парадная дверь виллы, едва я взлетела на крыльцо, тоже оказалась крепко заперта. И далеко не проволокой. Я обошла виллу со всех сторон и остановилась перед довольно-таки высоким окошком ванной комнаты. Понимая, что пролезть внутрь мне ничего не стоит, я нашла большой белый камень и с силой швырнула его в окно. Оно не разбилось, а только треснуло. Я подобрала отлетевший мне под ноги камень и бросила его еще раз, да так неловко, что сорвала плечо – в нем возникла страшная боль. Зато стекло разбилось, но не совсем. То есть треснутые куски словно остались приклеены к невидимой пленке... С помощью длинной палки мне удалось проделать в стекле отверстие. Что дальше? Понятно, необходимо где-то достать лестницу. Но вместо лестницы я нашла высокую синюю пластиковую бочку, пустую и не очень тяжелую. Подволокла ее к окну, вскарабкалась на нее и этим же камнем принялась добивать стекло окончательно. Посыпались осколки, куски покрытой стеклянными крошками пленки. Просунув в дыру руку, я открыла окно, точнее, пустую раму, и теперь вход в дом стал безопаснее.

Возле садового домика, который я обнаружила в самом углу участка, за густыми зарослями неизвестного мне кустарника, мне посчастливилось найти старый венский стул. Вот его-то я и установила сверху на бочке, чтобы забраться через окно в дом.

* * *

Вилла состояла из двух этажей, на первом располагались большая кухня, столовая, гостиная с камином, холл, кладовка, туалет с душем. На втором – спальни и туалеты.

В кухне на столе я увидела то, что и не мечтала увидеть, – ключи! Вероятно, это были ключи от всего хозяйства, в том числе от гаража и от самого дома. Это означало, что агент, занимавшийся продажей виллы, мог бы по просьбе покупателя открыть гараж, садовый домик и все подсобные помещения, которые мне еще только предстояло найти. Хотя я подумала, что один-то ключ, от самой виллы, наверняка оставался у агента, то есть у Райны. Если, конечно, хозяева не обратились сразу в несколько фирм.

Я поставила свой красный, думаю, изрядно бросавшийся в глаза «Ситроен» в пустой просторный гараж и немного успокоилась. Завтра утром, если кто-то и появится здесь, то вилла будет выглядеть как и прежде и никакой машины на участке не найдут.

Осмотрев дом, я поняла, что он совершенно не приспособлен для житья в холодное время года. Кроме каминов в гостиной и в двух спальнях наверху, я насчитала лишь электронагреватели, которые, безусловно, могли бы с трудом прогреть комнаты. Мысленно, на правах потенциальной хозяйки, я уже занималась устройством парового отопления, проводила трубы... В доме, конечно, имелись кондиционеры, но и им в этом плане я бы не доверилась. Дом стоял на возвышении, из половины окон открывался вид на море, а потому сейчас со всех сторон его обдувал ледяной, сильный, дующий с моря ветер.

В кладовке я нашла специальную нишу для дров. Вероятно, хозяева заготавливали их для того, чтобы где-нибудь в сентябре или, возможно, в октябре, в непогоду, посидеть у камина, погреться, послушать шум дождя или раскаты грома за окнами. То есть я хочу сказать, что роскошные, с дорогими экранами каминные выглядели скорее как декорации, настолько не верилось в их истинное предназначение и функциональность.

Заперев двери и оказавшись одна в совершенно пустом доме, прислушиваясь к завыванию ветра и льдистым, влажным звукам снега, мокрым сахаром сползавшего по стеклам окон, я внезапно для себя испытала тихий, ни с чем не сравнимый восторг – я свободна! Я пока что неуязвима и нахожусь в полной безопасности. Уж здесь-то меня не найдет ни мой милый, ни его ненаглядная мамаша!

Прикрыв окна гостиной и кухни шерстяными одеялами, которые не должны были пропускать свет, я зажгла лампу в гостиной, а в кухне – свечу, подключила холодильник, куда и сложила всю привезенную мною провизию. Проверила, есть ли газ в баллоне у плиты, отыскала в шкафу электрический чайник и не спеша принялась готовить себе ужин.

Ополоснув фарфоровый чайник, я плеснула туда кипятку, насыпала горсть чая, залила доверху. Все: еще несколько минут – и у меня будет чудесный душистый чай. В доме моего мужа чай практически не пили. Разве что липовый, да и то, как объяснила мне Магдалена, его пьют, когда простужаются. А так пьют один только кофе.

Нашлась и кастрюлька, где я смогла сварить яйца.

Теперь самым важным делом было растопить камин. Но, чтобы не замерзнуть окончательно, я все-таки включила электронагреватель и уже потом принялась сооружать в камине из обрывков бумаги и обнаруженных в доме газет шалашик, окруженный ворохом тоненьких лучинок, которые я нашла в отдельном ящике в кладовке. Я понимала, что поначалу надо попытаться разжечь небольшие куски дерева и потом постепенно докладывать в огонь узкие

сухие поленца... Промучившись некоторое время, я была счастлива, когда в камине заплясали оранжевые языки пламени. Теперь необходимо было поддерживать огонь.

Мой ужин состоял из ветчины, яиц, черного хлеба с маслом и сладкого чая. Я не помнила, когда получала от еды столько удовольствия! Вероятно, завтракая, обедая или ужиная в компании с Джорджи, я не могла до конца расслабиться и насладиться едой так, как это было, пока я жила в Москве. Может, сказывались нервы, или же я подсознательно чего-то боялась, находилась в напряжении.

Я вспомнила слова одной своей подруги: она рассказывала, что, когда к ним домой приходят гости, она вообще практически ничего не ест, даже если голодна. Что еда становится почему-то безвкусной, пресной. И это при том, что моя подруга прекрасно готовит. Я тогда сказала ей – быть может, не подумав как следует, – что дело в том, какие именно гости к ним приходят. Вот если я, к примеру, приду к тебе, ты что, перестанешь ощущать вкус еды? Она в ответ расхохоталась и сообщила, что в моей компании она может есть, и много, и получать от этого немыслимое удовольствие...

Получалось, что я сказала истинную правду! Значит, подумалось мне, Джорджи – не моя компания. Не говоря уже о змее Магдалене.

Покончив с ужином, я привела в порядок кухню, задула свечу, принесла из спальни простыни, подушки, одеяла и устроилась на широком мягком диване в гостиной. Прямо напротив пылающего камина. Понимая, что я скорее всего все-таки усну и огонь может погаснуть, я не стала отключать электронагреватель.

Закутавшись в два одеяла разом, я быстро согрелась и, уже засыпая, подумала о том, что ни разу за весь этот проведенный на новом месте вечер не вспомнила о главной цели своей поездки – о том, как мне отомстить заговорщикам.

* * *

Я проснулась и обнаружила, что в комнате темно, а огонь в камине полыхает так, словно я только что уснула. Взглянув на дисплей телефона, я поняла, что проспала всего-то около часа. И лишь спустя несколько минут я осознала, что именно меня разбудило.

В дверь кто-то ломился. В парадную дверь, расположенную в нескольких метрах от меня, в конце длинного холла! И это не просто кто-то вежливо стучал или требовал немедленно открыть. Кто-то явно пытался сам открыть двери. Я лихорадочно соображала. Если это хозяйка – то у них есть свои ключи. Агенты по ночам по виллам не ходят! Представить, что до меня в доме кто-то жил, предположим, какой-нибудь бездомный или сторож, я тоже не могла, поскольку с первых минут, проведенных мною в доме, было ясно, что дом вот уже несколько месяцев стоит нежилым.

Кто бы мог так лязгать по замку и пытаться его открыть? Вероятно, рассуждала я, тот, у кого все же есть ключ. Но по каким-то причинам он не может открыть дверь.

И тут я, почувствовав, как на голове у меня зашевелились волосы, сообразила, в чем дело. Запираясь изнутри на ключ, я, подстраховавшись, задвинула еще и массивную щеколду! Более «благородную», чем, скажем, в гараже, но все равно внушительных размеров. Тот, кто сейчас орудовал снаружи, никак не мог взять в толк, почему же, повернув ключ, он не может открыть саму дверь!

Что мне было делать? Ждать, когда этот взломщик, обойдя дом, обнаружит выбитое стекло в ванной комнате? И проникнет в дом точно таким же путем, что и я?

Конечно, этот «кто-то» наверняка увидел из своего дома (возможно, он живет где-то поблизости, может, это элементарно сосед, допустим, хозяева виллы поручили ему присматривать за ней) полоски пробивающегося через ткань одеял, которыми я завесила окна, света.

Или валивший из трубы дым. Или просто разглядел из своего неживого на вид окна («живых», светящихся окон я по дороге не заметила!) мой веселый красный «Ситроен».

В любом случае этот ночной посетитель ломился, как к себе домой. Вот только непонятно, почему ночью? Во-первых, если он и увидел полоски света, то он горел значительно раньше, когда я готовила ужин и растапливала камин, и он мог бы поинтересоваться, кто забрался в дом, еще до того, как я легла спать.

Шум стих. Человек, кто бы это ни был, то ли ушел, то ли на самом деле отправился искать другой вход в дом. Хотя в это мне верилось с трудом. Если он явился сюда ночью, то уж днем-то он здесь точно побывал. И знает, что в дом ведет только одна дверь. Разве что существуют окна, которые можно разбить, как это сделала я...

Надо ли говорить, как мне сделалось страшно! Почему-то мне представился мрачный старикашка в лохмотьях и с грязной всклокоченной бородой. С запавшими черными глазами и серым, в черных точках носом. Но это подсознательное видение как-то само собой исчезло, когда я подумала, имел ли человек, так растревоживший меня, вообще полное право здесь появиться. Будь это сосед или доверенное лицо хозяев (или сам хозяин), он не стал бы молча ломиться в дверь. Он наверняка сопровождал бы свои попытки отпереть замок громкими возмущенными криками – мол, эй, там, кто в доме, открывайте подобиру-поздорову! Но ничего такого не произошло. Да и, если разобраться, не так уж громко он орудовал за дверями, скорее всего это мне просто показалось, поскольку разбуженному человеку все ночные звуки кажутся во сто крат громче.

А что, если этот человек вообще здесь впервые? Нашел где-то ключи и попытался проникнуть в дом – так же, как и я. Вполне возможно, если не считать, что такое совпадение – один случай на миллион. Стоял себе пустой дом, обдуваемый всеми ветрами, и вдруг в один и тот же вечер в нем решили переночевать два человека! Я лично в такие совпадения не верю.

Я сидела на постели, обхватив руками голову и прислушиваясь к тишине. Откуда в следующий раз мне ждать подозрительных звуков? Из ванной комнаты? Забаррикадировать я ее уже не успею. Чем? Как? Значит, остается другое – спрятаться куда-нибудь, чтобы человек, сумевший влезть в дом, какое-то время не мог меня найти. А я потом, сориентировавшись, постараюсь покинуть виллу, отпереть гараж, распахнуть ворота, сесть в машину и выбраться отсюда, пока жива...

Значит, мне надо немедленно встать, одеться, успеть собрать все необходимое в сумку... Умом я это понимала, но, пока в доме было тихо, я решила, что ночной гость либо уже ушел, либо еще не обнаружил выбитое окно. Сейчас тишина казалась мне спасением. Ведь если бы он обнаружил окно и решил залезть в дом, то непременно воспользовался бы теми же приспособлениями в виде бочки и венского стула, что и я. И с первого раза вряд ли ему удалось бы повторить мой марш-бросок. Наверняка сначала свалился бы хрупкий стул, а потом упала бы и сама бочка. Если, конечно, незнакомец мало весит или он вообще – маленькая обезьянка. Но скорее всего это все же мужик. Заблудившийся не только среди этих извилистых улочек, ведущих к морю, но и в самой жизни. Ведь все добропорядочные люди сейчас спят под теплыми одеялами крепким сном. Ведь и я тоже несколько заплуталась в собственной жизни... Допустила множество ошибок и теперь вот прячусь в чужом доме. Хотя он уже без пяти минут – мой! Стоит мне только позвонить Райне, как сразу все прояснится и меня простят за такое грубое вторжение в чужую собственность.

И тут я вспомнила, что у меня разряжен телефон. В моей ситуации это катастрофа! Хорошо, что мне хватило ума купить зарядное устройство в Варне, поскольку у меня не было

возможности после подслушанного мною разговора Джорджи с Магдаленой вернуться домой и собраться как следует. Даже представить себе трудно, как они отреагировали бы, если бы я спокойно вошла, сказала, что я все слышала, что мне теперь просто опасно оставаться с ними под одной крышей и я перебираюсь в гостиницу... И под их извинения и фразы типа: «Ты не так все поняла», «Ты не могла такого услышать!» – я стала бы собираться, укладывать в сумку зарядное устройство, теплые свитера и штаны! Нет-нет, я сделала правильно – исчезла из поля их зрения таким вот неожиданным способом.

Итак! Я все же выбралась из-под одеяла, отыскала на дне пакета коробочку с устройством, поставила телефон заряжаться и снова вернулась в постель, вся обратившись в слух.

Понятное дело, сон у меня пропал. Снова я встала, вошла в кухню и попыталась вспомнить, где я видела фонарь. Он был где-то на виду, но в темноте искать его – довольно сложное дело. Поэтому я, рискуя тем, что одеяла на окне все же не скроют полоску пусть и тусклого света, зажгла спичку – и сразу же увидела стоящий на кухонной полке фонарик. Обычный, карманный. Он, к счастью, зажегся. Я положила его в карман куртки. Фонарик – вещь необходимая в подобных ситуациях, когда не знаешь, чего тебе ждать от жизни в следующую минуту!

Вернувшись в гостиную, розовую от тлеющих огромных, словно живых поленьев, я решила подкинуть дров. Мало ли как пройдет остаток ночи! Главное – не замерзнуть, не простыть, не заболеть. Иначе весь мой план рухнет. Подсветив себе дорогу, я с корзинкой вошла в кладовку и принялась набирать в нее дрова. Потом, вспомнив, что в кладовке нет окон и я могу спокойно включить свет, я зажгла лампочку и продолжила свое дело. Наполнила большую плетеную корзину и собиралась было уже выйти из кладовой, как вдруг увидела женский сапог. С острым каблуком-шпилькой. Голубой замшевый тонкий сапог выглядывал из-под какого-то хлама в самом углу кладовки, который оказался ворохом обыкновенной мешковины. Надо сказать, что дом содержался в образцовом порядке, и совершенно непонятно было, что здесь делает этот довольно-таки экстравагантный сапог? И кто его мог здесь оставить? Хозяйка? Не иначе. Но тогда почему один?

Я подошла поближе и потянула за край мешковины... Увидела согнутую ногу, обтянутую сиреневыми джинсами. Сапог, нога... Такое бывает иногда: видишь какие-то предметы, а соединить их воедино рассудок словно бы отказывается, чтобы не напугать тебя, чтобы не дать тебе возможности заполучить инфаркт. Чтобы сердце твое не разорвалось при виде женского трупа, прикрытого старым тряпьем и мешками.

Это казалось невероятным! В пустом доме, куда меня занесла нелегкая, я нашла труп молодой девушки! Худенькая блондинка в малиновой короткой курточке с отороченным мехом капюшоном, в сиреневых джинсах и голубых замшевых сапожках на шпильках. Даже мертвая, она выглядела как живая. Глаза ее были прикрыты. Нигде не видно ни крови, ни раны, ни следов борьбы или сопротивления.

Девушку убили и спрятали здесь, в этой кладовке. Или же она умерла естественной смертью (а почему бы и нет?), но тело ее почему-то спрятали? В сущности, меня это не касалось. Хотя, с другой стороны, если полиция будет ее искать, придет сюда и обнаружит меня здесь, то поди докажи, что я здесь ни при чем!

Почему-то мне не было страшно. Быть может, потому, что лицо смерти не показалось мне таким уж отвратительным?

Я какое-то время просто смотрела на труп, не понимая, как мне поступить дальше. Жаль было бы покидать дом и искать себе новое убежище. К тому же – и в этом мне стыдно признаваться – мне показалось, что сама судьба послала мне эту мертвую девушку. Ведь сейчас, проснувшись окончательно и осознав, зачем я здесь, я поняла, что пора мне как-то начинать действовать. И что главная цель моего бегства – это все же месть Магдалене и Джорджи.

Они хотели увидеть мой труп? Они его получают! В лучшем виде! Бедная девушка, упрямая под ворохом мешков, и не представляла себе, насколько полезной она может оказаться для меня, даже после своей смерти!

Мысли мои блуждали, как призраки, в разгоряченном сознании, натывая друг на друга и приходя в ужас от собственного появления. Конечно, использовать труп неизвестной мне девушки – это верх цинизма. Она достойна того, чтобы ее похоронили как положено. Но, с другой стороны, не факт, что ее труп, уже разложившийся, не нашли бы, предположим, лишь ранней весной... Если разобраться, то на ее месте, вернее, в подобном положении могло бы оказаться и мое тело, где-нибудь на дне оврага... И так бы все и было, если бы я случайно не подслушала разговор моих родственничков. Но поскольку так уж вышло, что я после всего услышанного помчалась куда глаза глядят, стало быть, мною кто-то там, сверху, руководил. И труп этот мне был подкинут, так сказать, неспроста. А если так, продолжала я развивать свою мысль, то и действовать мне надо незамедлительно, пока не поздно. Пока меня никто еще не нашел и не сдал в полицию! Вот смеху-то будет, когда меня приведут под белы ручки к моему благоверному и его людоедке-матери!

Я понимала, что совершаю преступление, не заявляя в полицию и собираясь использовать труп этой неизвестной мне девушки. Но тем не менее решение я приняла. Так что, с несвойственной мне храбростью и все еще находясь под впечатлением предательства Джорджи, я повнимательнее осмотрела тело.

В кладовке было светло, я перевернула труп на спину и вгляделась в белое лицо девушки. Хорошенькая... Длинные белокурые волосы. Розовая помада размазалась по губам и подбородку. Тушь с ресниц осыпалась. Тонкий слой крем-пудры, немного румян. Слабый аромат духов. Я приподняла ее голову, и вот только тогда почувствовала какую-то слизь на пальцах... Это была запекавшаяся густым слоем кровь. Кто-то проломил ей голову. Как-то сразу мне стало ясно, что убийство произошло все же не в этом доме, а где-то в другом месте и что труп сюда уже потом принесли и спрятали в кладовке. А тот человек, ломившийся в дом, мог быть ее убийцей!

Действовать мне следовало быстро. Мысленно попросив прощения у девушки, я сняла с нее куртку и надела на нее свою. Поменялась я с ней и обувью. Теперь на ее ногах оказались мои швейцарские кроссовки. А на моих, соответственно, – голубые замшевые, почти как плотный бархатистый картон для детского творчества, сапожки на острых тоненьких шпильках.

Без малейших колебаний сняв все свои серебряные украшения (цепочку с кулоном в виде обнимающейся пары, два массивных браслета и два кольца), я надела все это на труп. Ее же украшения, из желтого турецкого золота, я положила в свой карман. Оставалось самое главное – я обрезала ее волосы. Сделала ей короткую прическу. Срезанные волосы я сожгла в камине. Я сделала это для того варианта, если труп обгорит лишь частично и сохранится часть ее волос. Пусть никто подольше не знает, кто именно погиб под обломками моей машины...

Подгоняя саму себя, я вышла из кладовки, подошла совсем близко к входной двери и прислушалась. Было очень тихо. Словно никто и не пытался недавно открыть дверь, не шумел, не лязгал железом...

Я вернулась в кухню, схватила нож и снова приблизилась к двери. Сердце мое стучало где-то в глотке, оно мешало мне дышать. Вот теперь я по-настоящему боялась. Отодвинула щеколду, отперла замок и приоткрыла дверь. Потянула носом – пахло снегом и гарью, как пахнет везде, где топят печи.

Все же я распахнула дверь пошире и с опаской вышла на крыльцо. Все вокруг было мокрым, серым, тоскливым... Страх встретить на крыльце какую-нибудь жуткую личность в дождевике и с бейсбольной битой в руке почему-то у меня пропал. Он уступил место неистовому, яростному желанию немедленно уложить труп неизвестной мне девушки в машину, вернее, усадить его по возможности прямо, за руль и... Вот вам – получите свою мертвую Грету!

Слезы выступили у меня на глазах. Постепенно, очень медленно, с трудом до меня дошло, что я каким-то чудом избежала страшной участи – разбиться вдребезги на собственной машине! Неужели те, кто затевал мое убийство, ничего не боялись? Что их рано или поздно разоблачат и посадят за решетку?

* * *

Я вытерла слезы, открыла гараж и вывела во двор машину. Небо над моей головой чуть посветлело. Но над морем воздух напоминал такое же темное море, только опрокинутое. Словно повсюду была одна вода. И ни одного просвета. Пять утра. Самое время для сомнительных дел – вроде того, чем я собиралась заняться...

Осмотрев машину и не найдя в ней ничего ценного, я, оставив дверь открытой, быстрым шагом отправилась в дом, в кладовку – за телом. Спустя четверть часа девушка, сильно смахивавшая на меня (комплексия, одежда, волосы не в счет – после того, что я задумала, цвет ее волос определить будет сложновато), уже «сидела» справа от водительского места моего приунывшего «Ситроена» и готовилась к своей последней поездке. Или – к полету. Как кому больше нравится.

Я открыла ворота, выехала на дорогу, закрыла створки. Заперла гараж. Все это я проделала очень быстро и ловко. Я торопилась.

Примерно полчаса я петляла узкими, практически непролазными дорожками между мертвых загородных домишек, пока мой взгляд не ухватил крутое возвышение над морем, откуда открывался вид на застывшие треугольные бетонные глыбы волнорезов на кромке воды! Я, проваливаясь «по уши» в грязь, подкатила к самому краю обрыва, вышла из машины, попыталась усадить мою «куклу» (вот оно, нужное определение для мертвой девушки; вероятно, это восприятие трупа и спасало меня пока что от сумасшествия!) на водительское место – но у меня не получилось, труп как-то неловко повалился на сиденье... В сущности, какая теперь разница, подумала я, ведь при падении машины с обрыва водитель все равно не может не изменить положения своего тела.

Оставалось выполнить самое важное. Я повернула руль резко, до отказа. Достала нож и перерезала тормозной шланг. Вот теперь картина преступления, так сказать, налицо! Когда обнаружат мою сгоревшую машину, а в ней – обугленный труп с моими украшениями, то после проведенной экспертизы найдут и перерезанный тормозной шланг. Мне останется только подбросить в полицию свой телефон со сделанной мною же диктофонной записью – что, мол, если со мной что-то случится, то во всем я прошу винить своего мужа, Джорджи, и его мамашу, Магдалену! Или же написать письмо. Причем сделать это прямо сейчас. Немедленно! Но как? Не в Кранево же мне искать полицейский участок! Значит, надо срочно возвращаться в Шумен, купить белый парик (для неузнаваемости), войти в полицейский участок и положить конверт с моим телефоном (но скорее всего все-таки с письмом) на видное место. И так же незаметно исчезнуть.

Я бросила последний взгляд на свою машину и мягко оттолкнула ее от себя. Она легко сдвинулась с места, сорвалась вниз, перекувырнулась в воздухе. Описала духу и рухнула на громадные бетонные сооружения. Раздался страшный грохот, потом – взрыв. Все как в кино! «Прости меня!» – крикнула я вслед неизвестной мне девушке, улетевшей в никуда. Впоследствии, как мне подумалось, ее назовут Гретой Перминовой...

Я отряхнула сор с ладоней многозначительными, отчаянными хлопками, словно избавлялась таким образом от одной из своих самых больших проблем, и быстрым шагом двинулась обратно – к дому. По дороге я обдумывала – где бы мне раздобыть машину?

На виллу я решила все же пока не возвращаться. Прошла мимо нее, бросив на красивое здание тоскливый взгляд. Подумала, что за то время, что меня там не будет, огонь в камине погаснет, а комната остынет.

Миновав два перекрестка, я вышла на более или менее оживленную улицу, вошла в магазин, где девочка лет двенадцати, вероятно дочка продавщицы, худенькое существо с накрашенными губами, продала мне огромные солнцезащитные очки и черную шелковую косынку. В магазине пахло кофе из кофейного автомата. Опустив монеты в щель, я получила пластиковый стаканчик кофе с молоком и сахаром. Выпила его и почувствовала себя гораздо лучше. Вышла на улицу, туго обвязала голову косынкой, скрывая волосы и подсознательно желая, чтобы те, кто знал «в лицо» бывшую на мне курточку, а следовательно, и ее хозяйку, приняли меня за нее. Почему бы и нет?

После этого подошла к одиноко стоявшей на обочине желтенькой крохотной машинке такси и попросила отвезти меня в Варну. Не желая светиться перед местными таксистами такой странной поездкой – до самого Шумена, я решила усложнить себе путь туда, пересев в другой автомобиль уже в Варне.

В дороге я молчала. Когда водитель меня о чем-то спрашивал, я что-то мычала вроде «добре», «моля», какие-то еще дежурные слова, чтобы он не понял, что я не знаю языка, что я вообще – русская. Мало ли как сложатся дальше обстоятельства, может, этот водитель потом станет давать свидетельские показания в деле, касающемся моего исчезновения...

В Варне я купила себе парик – длинные белые волосы. В больших темных очках и чужой одежде я вполне бы сошла за ту несчастную убитую девушку, чьи останки тлели сейчас на бетонных глыбах.

В голову мне пришла отчаянная идея – взять машину напрокат. Но, поразмыслив немного, я поняла, что без паспорта мне никто авто не доверит. Получается, мне снова придется воспользоваться услугами такси, чтобы добраться до Шумена.

Таксист запросил запредельную плату. Я согласилась, не торгуясь. Болгарка на моем месте отказалась бы ехать за такие деньги. Вероятно, я выглядела довольно-таки респектабельно или все же смахивала на иностранку, раз с меня решили содрать три шкуры.

И в этот раз я ехала молча. Постепенно ко мне возвращались все нормальные человеческие чувства. Итак! Я совершила преступление, решив сжечь не принадлежащее мне тело. Страх навалился на меня и теперь давил, пробуждая во мне целый ворох сомнений. Правильно ли я поступила, решив, что тело было послано мне самой судьбой? Уже приближаясь к Шумену, я поняла, что вряд ли справлюсь с нахлынувшими на меня чувствами – я буквально задыхалась от ужаса... Весь мой план показался мне просто идиотским и крайне опасным, в первую очередь для меня. Однако после всего того, что я сотворила, обратного пути у меня не было.

В Шумене в аптеке я купила хирургические перчатки, конверт, блокнот и написала письмо – на русском, разумеется, языке. В Болгарии многие знают русский. Написала в двух словах, что знаю – меня собираются убить. Причем мой муж и свекровь! А поскольку способов убийства существует много, то я не знаю, где именно меня подстерегает опасность, а потому постараюсь в самое ближайшее время покинуть Болгарию и вернуться домой. В Москву. Я понимала, что письмо получается несвязное, странное, что на него могут и не обратить внимания. Но это – лишь до тех пор, пока не обнаружат мой разбитый сгоревший автомобиль. Главным для меня было в этом письме – указать на моих потенциальных убийц. Назвать их имена. Это – все.

Я уверенной походкой вошла в отделение полиции, приблизилась к окошку дежурного и, положив прямо перед ним конверт, быстро вышла. Покинув здание, я бросилась бежать куда глаза глядят, чтобы, не дай бог, за мной никто не последовал.

Я остановила первое попавшееся такси и попросила отвезти меня в супермаркет, находившийся на окраине города. Купив там зажигалку, моток веревки, большой фонарь, батарейки, набор ножей, детский пистолет и разные другие необходимые мелочи, я вновь поймала такси и двинулась в Варну.

Вернуться в Кранево я пока не могла. Понимала: должно пройти какое-то время, чтобы я спокойно осмыслила ситуацию.

В Варне я тупо гуляла по улицам, подставив свое разгоряченное лицо холодному влажному воздуху, ловила в том редкие мокрые снежинки и пыталась представить себе, что же сейчас происходит в Кранево. Обратил ли кто-нибудь внимание на оглушительный взрыв на берегу? Увидел ли кто-то взрыв, пламя, а потом и густой черный дым, тучей взвившийся над моей бедной машиной?.. Если эта местность, как мне показалось, зимой практически необитаема и грохота взорвавшейся машины никто не слышал, то кто знает, когда обнаружат «мой» труп, когда завертится прокурорская машина?! И когда, интересно, письмо, оставленное мною в полиции, и обгоревшие обломки некогда красного «Ситроена» с обугленным трупом внутри превратятся в единое уголовное дело? Когда, наконец, в квартире по улице Хана Крума раздастся звонок и перед испуганными очами Магдалены возникнут люди в полицейской или прокурорской форме? Когда свершится правосудие?

Думала ли я тогда о том, что я сама буду делать после того, как Джорджи и Магдалену арестуют? Конечно, мысленно я уже давным-давно летела в Москву, в крепкие объятия самых близких мне людей – отца и брата. И даже когда раскроется, что я жива, вряд ли кто-то подумает о том, что это я все подстроила... Исчезла? Да! Уехала из дома, как уезжают после крупных ссор жены, чтобы спрятаться на время у подруги или переждать в какой-нибудь гостинице. Вот и я тоже объясню, что мы с Джорджи поссорились и я уехала в Кранево, на ту виллу, которую я собиралась купить сразу же после развода. У меня и свидетельница имеется! А тот факт, что как раз неподалеку от этой виллы и обнаружили мою сгоревшую машину, вовсе не указывает на то, что все это – дело именно моих рук. Девушку-то я не убивала! Поэтому всю вину за «приключения» с ее телом рано или поздно возложат на ее настоящего убийцу. Или же можно будет смело предположить, что это Джорджи, каким-то невероятным образом узнав, где я могу находиться (в конечном счете, он ведь мог меня и выследить!), впал в ярость и вместо меня убил ни в чем не повинную девушку... Да все это могло оказаться простой случайностью! Предположим, он ударил ее чем-то тяжелым по голове, и все это происходило под покровом ночи. А когда девушка перестала подавать признаки жизни и Джорджи понял, что он убил совершенно незнакомого человека, он страшно испугался, усадил труп (предварительно «украшенный» моим серебром) в машину и сбросил ее с обрыва... Ведь главным для него было предъявить именно «мой» труп в полиции, чтобы стать моим единственным наследником... Какая же мерзость – эти имущественные мотивы!!!

Неужели Джорджи, прожив со мной пусть и не очень долгий срок, всего несколько месяцев, не понял, что я за человек? Что со мной можно договориться? Ведь если бы он честно признался мне, что наши отношения для него так тягостны (Господи, неужели это действительно так?!) и он желает только одного – разойтись по-хорошему, бескровно, мы сели бы за «стол переговоров» и непременно сумели бы договориться о расставании на взаимовыгодных условиях. Разве он не понял, что я – достаточно щедрый человек и что со мной просто нужно уметь договариваться! Быть может, чтобы не затягивать бракоразводный процесс, я бы и сама предложила ему оставить себе все эти купленные мною квартиры! Да скорее всего я так бы и сделала! Думаю, что и мой отец одобрил бы такое мое решение, посчитав, что счастье и покой его дочери все-таки дороже каких-то там квадратных метров жилья... Безусловно, окажись я членом менее обеспеченной семьи, события развивались бы иначе. Но тогда и такой вот шальной покупки недвижимости в этом скоропалительном браке не последовало бы! Скорее всего мы с Джорджи сняли бы где-нибудь угол на окраине Шумена, он бы попытался реанимировать

свою автомастерскую, а я устроилась бы официанткой в кафе и с утра до ночи подавала бы посетителям кофе и собирала со столиков грязные пепельницы...

Рассуждая подобным образом, я продолжала свою бесцельную прогулку по побелевшей от мокрого снега Варне, слабо отмечая про себя, что все вокруг – витрины магазинов, заснеженные деревья – переливается праздничными рождественскими огнями. Симпатичные, с аккуратненькими бородками, Деда Морозы в красно-белых шубах подмигивают мне, приглашая войти в сказочный мир новогодних подарков. Тогда я отчетливо почувствовала, что реальная жизнь как бы отдалается от меня, что все нормальные люди живут своей повседневной, наполненной предпраздничной суетой жизнью, а я – погружаюсь, медленно, но верно, в какой-то кошмар: с трупами, сгоревшими машинами и запахом готовящегося преступления... Может, мне все-таки не стоило так упиваться чувством мести, толкнувшим меня, так же как и Джорджи с его матерью, на преступление, не следовало использовать в своих целях (да еще так жестоко и цинично!) труп неизвестной девушки? А что, если все это когда-нибудь откроется?

Нет, нет и нет! Никогда! Никто не видел, как я усаживала труп в машину и тем более сталкивала ее с обрыва. Это недоказуемо! Без этой уверенности вся будущая жизнь моя превратится в настоящий ад. Поэтому мне предстояло поработать над собой, над своим сознанием и убедить себя, что я, по большому счету, не сделала ничего особенного по сравнению с тем, что, в свою очередь, совершил настоящий убийца этой несчастной девчонки...

Несколько раз я испытывала сильные сомнения – а стоит ли мне возвращаться в Кранево, не опасно ли это? Ведь все-таки именно там, в том так понравившемся мне доме, я обнаружила труп! А это означало, что туда может наведаться и убийца, который, возможно, захочет перепрятать тело – с той целью, чтобы его поскорее обнаружили. Или же близкие девушки примутся искать ее именно там! Ведь не случайно же убийца оставил ее труп на вилле. Возможно, он сделал это как раз в расчете, что там его и будут разыскивать. Мало ли какие ситуации сопровождали неведомый мне ход событий, предшествующих убийству? К тому же я ни на минуту не забывала о том, что ночью в дом кто-то пожаловал, кто-то пытался в него проникнуть. Кто? Убийца – или тот, у кого отняли эту девушку? Муж, любовник, ее брат, отец... Одним словом, мужчина, имевший отношение к погибшей и разыскивавший ее.

И тут мне пришло в голову следующее: допустим, девушку искали в этом доме (причин тому могло быть множество, и я терялась в догадках) и вряд ли при этом предполагали, что она мертва. Но однако она, якобы находясь в доме, не открывала, а значит, не хотела этого делать. Почему же ночной посетитель в этом случае не довел дело до конца? Почему он не стучал открыто в двери и не кричал – мол, Веста, Веселина или Марта, например, открой немедленно, я знаю, что ты здесь! Значит, все то, что я себе напридумывала о возможной причине пребывания еще живой девушки в этом доме, – чушь! И человек, разбудивший меня, – и есть убийца, явившийся за ее трупом! А не шумел он и не требовал в полный голос, чтобы ему открыли, по той простой причине, что ему и без того было опасно находиться там! Поэтому, не сумев попасть в дом обычным путем, он быстренько ретировался. Умыл, так сказать, руки.

Я долго бродила по городу, пока не почувствовала, что ноги мои совсем промокли. Из носа у меня потекло. Я замерзла и хотела есть. Вошла в небольшой ресторан, села в самое укромное место и, полистав меню, заказала большую порцию спагетти, два чая с лимоном и крем-карамель.

В ресторане было тепло, казалось, отовсюду дует горячий воздух – всю работу система отопления. Меня бросило в жар. Я быстро согрелась и, не спеша поглощая огненные макароны с густым острым соусом, разглядывала сквозь запотевшие окна смутные цветные пятна – прохожих на улице. Жизнь продолжалась, несмотря ни на что. За соседним столиком сидела заплаканная девушка и пила кофе. Рядом с ней с виноватым видом потягивал колу молодой человек в светлом плаще. Вероятно, он чем-то обидел свою спутницу и теперь бросал на нее нежные и вместе с тем осторожные взгляды, словно не зная, с чего ему следует начать

просить прощения. И еще не зная – простят ли его? К ним подошла официантка с блокнотиком, спросила, готовы ли они сделать заказ. Девушка подняла голову и тихо произнесла что-то, чего я не расслышала, а молодой человек сказал, чтобы ему подали то же самое. Через четверть часа они, обмениваясь примирительными взглядами, поедали горячую жареную картошку, и мне показалось, что еще совсем немного, и они окончательно наладят свои отношения. Мне, во всяком случае, очень хотелось, чтобы это произошло.

Ощущение сытости немного успокоило меня. Но, с другой стороны, я почувствовала, что меня потянуло в сон. Глаза мои буквально слипались. Надо сказать, что парик, заменявший мне тесную неудобную шапку, раздражал кожу головы, которую мне все время хотелось почесать. Да и густая челка мешала, щекоча мой лоб. Почему-то мне вспомнилось, что когда-то давно наши бабушки и мамы носили парики чуть не каждый день, причем это было очень модно!

Разгоряченная, пошатываясь от какой-то изматывающей усталости и одновременно от физической слабости, я вышла из ресторана и огляделась по сторонам. Потом я остановила такси и попросила отвезти меня в приморский поселок Св. Константина и Елены. Я, как герой криминального романа, решила таким примитивным образом запутать свои следы.

В машине я задремала и пришла в себя, лишь когда меня кто-то тронул за плечо. Я тотчас открыла глаза и несколько мгновений вспоминала: где я и куда ехала на такси? И, вспомнив, быстро расплатилась с водителем, выскочила на тротуар и, зажав ладонью рот, кинулась куда-то в кусты, где и разрыдалась, вспомнив о Джорджи...

Обида захлестывала меня все с новой и новой силой. Я рыдала, согнувшись в три погибели, понимая, однако, что не должна своими стенаниями привлекать внимание посторонних. Слава богу, вокруг было довольно-таки пустынно. Не то, что в курортный сезон, когда вдоль этой улицы тянулись ряды крохотных времянок-магазинчиков с надувными матрацами, купальниками, с украшениями из ракушек и кораллов, с сувенирами, пляжными полотенцами, соломенными шляпами... Не слышно было летнего шума голосов, доносившихся из расположенных на открытом воздухе ресторанчиков, где подавалась свежая жареная рыба, печеные благоухающие перцы и ледяное пиво. Местность сильно изменилась с тех пор и теперь казалась какой-то обескровленной, застывшей. Шумели лишь, стеклянно перестукиваясь, заледеневшие ветки деревьев и кустарников. Поголубела, распустив свои листья-стрелы, прижившаяся здесь юкка...

С сильнейшим приступом головной боли я возвращалась обратно. Снова на такси – в крохотной, канареечного цвета машинке, с толстяком-водителем, от которого очень уж крепко воняло свежим чесноком. Я попросила его остановить такси возле продуктового магазинчика. Обычная поездка. Не привлекающая к себе внимания.

На улице стемнело, но я упорно продолжала оставаться в темных очках. Вероятно, поэтому одна из женщин, выходявших из магазина, внезапно обратилась ко мне, широко улыбаясь и показывая свои новенькие фарфоровые зубки:

– Сабина, здравей! Какво правиш?

– Аз болна... Главо болие, – пробормотала я первое, что пришло на ум, и рванула прочь оттуда.

Быстрым шагом я пересекла улицу и скрылась за углом. Блуждая по пустынным улицам в поисках поворота, который направил бы меня в сторону моей виллы, минуя, однако, магазин, где меня приняли за какую-то Сабину, я, проплутав примерно с полчаса, все же вышла на нужную мне улицу и, светя впереди себя фонариком, нашла «свой» дом. И только сейчас поняла, что не все так спокойно, как мне сначала показалось.

В воздухе пахло гарью. Кроме того, дорога была сильно накатана. Словно не так давно отсюда выехало несколько машин. Хотя не светилося ни одно окно в ближайших домах.

Обнаружили ли уже мою машину? Мне ужасно хотелось добраться до обрыва, чтобы взглянуть на площадку, с которой я столкнула свой автомобиль, чтобы определить, действительно ли здесь побывало много машин – полиция, прокурор, «Скорая помощь», пожарные... Но я никуда не пошла. Было уже темно. К тому же за этим местом могли наблюдать.

Я очень тихо открыла ворота, осмотрелась. Темно. Тихо... Подошла к двери. Потянула ручку на себя. К счастью, дом был заперт. Конечно, я опасалась, что за время моего отсутствия здесь могли произойти некие перемены, кто-то мог войти в дом – да тот же убийца, чтобы забрать наконец труп... Мысль о том, что этот убийца мог оставаться в доме и поджидать меня, тоже пару раз меня посетила. Быть может, поэтому я, открыв дверь, замерла на пороге, сунув руку в карман и поглаживая ладонью рукоятку детского пистолета. Конечно, это несерьезное решение проблемы – напугать того, кто в свою очередь собирается напугать меня, но что поделять? Настоящий-то свой пистолет я оставила дома, в Москве! Разве могла я предположить, что мне и здесь потребуются оружие? Там, в России, я воспринимала все это как баловство, как прихоть моего отца – желание обеспечить меня пистолетом для самообороны. Хотя, я думаю, мы оба понимали, что вряд ли когда-либо он мне пригодится. И уж, конечно, никому из нас и в голову не пришло бы, что настоящее, реальное оружие мне понадобится в тихой курортной стране – Болгарии...

У меня ушло много времени, чтобы убедиться – дом все же пуст. Оставалось единственное место, куда я еще не заглянула, – это кладовка. Та самая кладовка за кухней, где я и обнаружила труп. Поэтому я, спустившись со второго этажа и стараясь ступать бесшумно, двинулась в сторону кухни.

Про себя я машинально повторяла речь о том, что я – не грабитель, я – потенциальный клиент! Я понимала, что вряд ли в такой час здесь может появиться хозяин, но все равно я почему-то мысленно твердила какие-то бессвязные слова, чувствуя, как постукивают от страха мои зубы.

Открыв дверь кладовки, я сначала посветила туда фонариком, и когда я увидела голубой замшевый сапог, мне стало нехорошо... По спине зазмеился ледяной пот. Мерзкое чувство! Сноп света заметался, выхватывая из темноты то носок голубого сапога, то его голенище, потом из-за какой-то корзины появился второй сапог... Мне понадобилось приложить невероятное внутреннее усилие, чтобы поднять луч света хотя бы на уровень моей груди. И тут я увидела кусок малиновой курточки с мехом... Луч света скользнул вниз – я была близка к обмороку.

– Сабина? Ты? – услышала я над самым своим ухом. Мне показалось, что женский голос раздался где-то справа от меня, а не из того угла, где пряталась малиновая куртка и голубые сапожки.

– Вы кто?! – спросила я немеющими губами, понимая, что я и сама одета в малиновую куртку и точно такие же голубые сапоги. Вероятно, в доме поселился призрак сожженной мною Сабины?!

Произошло какое-то движение, меня оттолкнули, и тотчас вспыхнул свет. Я увидела перед собой девушку, очень похожую на ту, чей труп я обнаружила ночью, разве что прическа и цвет волос у нее были другие. Копна ярко-рыжих, густейших волос украшала маленькую голову. Голубые глаза смотрели на меня испуганно и вместе с тем дерзко.

– Где Сабина? – спросили меня по-болгарски.

– Не знаю... А кто это?!

– Сабина?! Да на тебе же ее куртка и сапоги! Где она? – Девушка подошла и схватила меня за рукав. – Где?

– Я не знаю никакой Сабины!

– Тогда что же ты здесь делаешь? Ты кто?

– Я – покупатель этого дома. Меня привезла сюда Райна, агент. Сказала, что я могу пожить здесь немного, чтобы осмотреть дом. Я еще говорила ей, что это опасно, надо сообщить хозяину... А может, она уже его предупредила?

– Нет... Не знаю... Но если это так, то она должна была сказать Николаю. Все это очень странно! Дом не продан, а в нем уже кто-то живет... – заметила она.

– Но я и не живу! Я просто тут осматриваюсь!

Я говорила по-русски. Но девушка меня отлично понимала.

– Вы поймите, я хочу купить такой большой дом, отдать за него солидную сумму денег, и я должна быть уверена, что он в полном порядке. К тому же бывает так, что дом не принимает человека... Как бы отторгает его. Или же в нем плохая энергетика. А я – очень чувствительный человек!

Я несла весь этот бред, не сводя глаз с девушки и пытаюсь понять – кто же она такая? Скорее всего – сестра этой... Сабины. Уж очень они похожи!

– Понимаете, мне надо вам кое-что объяснить... Но для начала вы тоже хотя бы представьтесь. А что, если вы – точно такая же покупательница, как и я?

– Меня зовут Розалия, я – сестра Сабины.

– А кто такая Сабина?

Розалия смерила меня насмешливым взглядом, словно спрашивая: не слишком ли много вопросов я задаю и вообще имею ли я право на это?

– Сабина Петкова – моя родная сестра и жена Николая Петкова, хозяина этой виллы. Знаете, все это очень странно! Давайте выйдем отсюда, поговорим.

Девушка, придя в себя после встречи со мной и, вероятно убедившись в том, что я не опасна, решительно вышла из кладовки, и тотчас все вокруг засияло ярким светом. Она по пути защелкала выключателями. Вот уж, поистине, она вела себя по-хозяйски! Не то что я, когда воровато пряталась за занавешенными окнами.

В кухне она сразу же включила чайник, и уже через несколько минут мы с ней пили кофе и разговаривали.

– Скажите, как на вас оказалась ее куртка? Вы меня напугали! С одной стороны, вроде бы она... У нее такие же белые волосы!

Я с ужасом вспомнила, что все еще в парике!

– Но я же вижу, что вы – не она! И сапоги... Согласитесь, что голубой цвет сапог не каждый день встретишь, – сказала Розалия.

– Но и у вас тоже такие же сапоги...

– Мы с Сабинкой покупали все это вместе. Нам обоим понравились эта куртка и сапоги. Подумаешь, похожая одежда! Но со мной-то все понятно. А с вами?

– Мне надо вам кое-что объяснить. Дело в том, что я, как вы уже поняли, русская. Вышла замуж за шуменца, его зовут Джорджи. Этим летом. Но наши отношения не сложились. И мне теперь нужен развод. Но мой муж, думаю, не даст мне развода до тех пор, пока мы не разрешим все наши имущественные споры... Словом, мне придется отдать ему все наше имущество, и лишь тогда он освободит меня. Но пока все это будет тянуться, ваш дом могут уже продать. А мне, как вы понимаете, невозможно купить его, находясь в браке, я же не собираюсь жить с Джорджи! Словом, я попросила Райну, чтобы она поговорила с вашим родственником... с Николаем, чтобы он придержал ненадолго этот дом. Мне он очень нравится!

Розалия смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

– Но я впервые слышу, чтобы этот дом продавался! Возможно, Николай и задумал продать его... Но мне на самом деле ничего об этом не известно!

– Но если он не продается, то почему же тогда он в нем не живет? – Я готова была уже расплакаться от досады и от того, что я забралась в дом, который не продается и который никогда уже не будет моим. – Послушайте, для меня это важно! Очень важно! Послушайте,

Райна мне сказала, что дом стоит полмиллиона евро, и я согласилась его купить, хотя понимаю, что цена явно завышена.

– Сколько?! Полмиллиона? Хорошая цена!

Она оживилась, затем, сделав большой глоток кофе (из чего я сделала вывод, что она разволновалась, ведь здесь кофе привыкли пить маленькими глотками, растягивая одну крохотную чашечку на полчаса), достала телефон и набрала номер. Она говорила быстро, нервно, обращаясь, конечно же, к Николаю. Выясняла, действительно ли он продает этот дом и за сколько. Потому что она вроде бы нашла покупательницу. Словом, она прощупывала почву, и очень осторожно. Потом она произнесла несколько фраз, из которых я понял, что этот Николай сам сейчас придет сюда.

– Ну что, продает? – встревоженным голосом спросила я.

– Он сказал, что не продает, но за такие деньги, может, он и согласится...

Мне бы сейчас позвонить Райне и задать ей парочку конкретных вопросов! Но нет. Я исчезла, а потому не буду появляться даже перед Райной.

Мы закурили. Кофе и сигареты... Отличное времяпрепровождение! Это даже как-то сближает.

– Вы сказали, у вас есть агент. Она оставила вам ключ? – спросила Розалия.

– Нет, у меня нет ключа. Мы были здесь еще летом. Она показывала мне дом...

– Райна... Она откуда, из Варны?

– Да нет же, из Шумена.

– Странная история... И что же дальше?

– Она привезла меня сюда, мы осмотрели дом, он мне очень понравился, и я сказала, что куплю его, но только после моего развода, вы понимаете?

– Да-да, конечно. И она сказала, что он стоит пятьсот тысяч евро? Или все-таки левов?

– Евро, конечно.

– И у вас есть такие деньги?

– Не у меня, а у моего отца, в России. Он бы мне дал эти деньги.

– Серьезно?

– Вполне. Но сперва мне нужен развод...

– Пойдите! Значит, вы приехали сюда одна... Без ключа. И на что же вы рассчитывали? Могли бы хотя бы позвонить этой же Райне, взять у нее ключ, если он у нее действительно есть!

Она смотрела на меня в упор, словно пытаясь понять, не сочиняю ли я на ходу эту историю.

– Я не обманываю вас, честное слово! – Я прижала руки к груди.

– Но если у вас такой богатый отец, так вы дайте вашему мужу побольше денег, он даст вам, в свою очередь, развод, и тогда покупайте себе все, что хотите! Какие проблемы?

Мы сидели в пустом доме. Две незнакомые друг с другом девушки, и я спрашивала себя – могу ли я ей довериться? Или же, извинившись, мне следует просто покинуть этот дом и перебраться в гостиницу? В частную, где не требуют документов. Чтобы меня не нашли.

– А у нас Сабина пропала! Вот уже три дня ее нет... вы же ничего не знаете... Сегодня рано утром здесь машина взорвалась, упала в пропасть. Говорят, что какая-то женщина, наверное пьяная, пропустила нужный поворот, свернула не туда и сорвалась прямо вниз, упала на бетон и камни. Или же она сделала это нарочно. Мы с Николаем перепугались, подумали, что это Сабина. Она... любит выпить. Николай звонил своему знакомому полицейскому, он присутствовал при том, как обгоревшее тело извлекают из машины. Так вот, он сказал, что это точно не Сабина. Во-первых, на ней было надето множество серебряных украшений, а она ушла из дома, надев золото. На ней было много золота. Она просто помешана на нем. Во вторых, сохранилось немного ее волос... Коротких волос, а у Сабины были длинные волосы, и она

ни за что на свете не обрезала бы их. Никогда! Она собиралась отпустить их на максимальную длину.

– А почему вы меня называли Сабиной? – осторожно спросила я.

– Так вы же в ее одежде! Не хотите рассказать, почему вы надели на себя чужую одежду? Глаза мои наполнились слезами. Я должна была ей рассказать хотя бы часть правды.

– Розалия, мы с вами едва знакомы, но поскольку уж я оказалась в вашем доме... вернее, в доме вашего зятя, то мне просто необходимо вам кое-что объяснить... Понимаете, мой муж со своей матерью задумали избавиться от меня! Я вышла в магазин, вернулась очень тихо, так, что они не слышали, как я пришла. Словом, они готовят мое убийство. Я испугалась и решила спрятаться. Здесь. Подумала, что тут меня уж точно никто искать не будет. Я не хотела идти в гостиницу, потому что там мне бы пришлось показывать свой паспорт. Думаю, меня уже ищут...

Розалия смотрела на меня с явным недоверием.

– А одежда? Почему на вас одежда моей сестры?

– Я пришла сюда в своей одежде. Хорошо. Я расскажу вам. Эту одежду я нашла здесь. В кладовке. И еще я купила парик...

Зачем я солгала ей – объяснить трудно. В сущности, это просто невозможно. Но не могла же я сказать ей, что сожгла труп ее сестры!

– Парик? На тебе парик? – Она перешла на «ты», как я поняла, не из желания как-то сблизиться со мной, а наоборот, как бы демонстрируя свое пренебрежительное ко мне, завравшейся иностранке, отношение. – Но зачем? Ведь теперь ты стала похожа на мою сестру! Ты знакома с ней? Ты видела ее? Ты знаешь о ней что-нибудь? Я не могу поверить в то, что ты случайно оказалась здесь – в ее одежде и в парике, – чтобы стать на нее похожей! Зачем тебе все это? Что ты сделала с моей сестрой?!

– Я просто взяла на время ее одежду, чтобы изменить облик... У меня не было ни времени, ни возможности обновить свой гардероб. Я же тоже живой человек, и я находилась в таком состоянии после того, как услышала их разговор! Вы должны понять меня! Человек, пребывая в добром здравии и полном рассудке, не стал бы ломиться в запертый дом, разбивать окно в туалете, чтобы проникнуть внутрь. Я пыталась спрятаться! Подальше! От всех! И простите меня за то, что я вторглась в ваше жилище, вернее, в жилище вашего зятя. Я готова принести ему свои извинения! – вскричала я, уже теряя над собой контроль.

– Вот свиньи! – До Розалии словно только что дошел смысл сказанных мною слов. – Твой муж и свекровь решили тебя убить?! Но за что?!

– Я купила им две квартиры, и теперь, если меня найдут, скажем, с перерезанным горлом, Джорджи окажется моим единственным наследником!

– С перерезанным горлом?! Они выбрали такой кровавый способ?!

– Это я иносказательно. Я не знаю, на каком варианте они остановятся...

– Ты не слышала, о чем они говорили?

Не могла же я ей сказать, что речь шла о подрезанных тормозных шлангах! Ведь рано или поздно выяснится, кому принадлежит упавшая в пропасть машина... Стоп. Я же должна буду объяснить Розалии, что пропал мой автомобиль! Или быстренько придумать что-нибудь еще.

Я достала еще одну сигарету.

– Розалия... Я должна тебе все рассказать. Все равно ты узнаешь... почему ты не спросишь, как я добралась сюда?

– Ну и как?

– У меня была машина. Красный «Ситроен».

Сигарета выпала из пальцев Розалии.

– Та машина, которую нашли здесь, неподалеку... она тоже красная... И, кажется, это тоже «Ситроен»... так это твоя машина?!

– Дело в том, что я поставила ее ночью в гараж, понимаешь? В ваш гараж. Не могла же я оставить ее на виду у всех соседей! Я ведь пряталась! Так вот, утром я, переодевшись, отправилась в Варну. Мне надо было кое-что купить, да и вообще, хотелось прогуляться, все обдумать... Я взяла такси. У меня есть свидетели. Девочка лет двенадцати, с накрашенными губами, в магазинчике, где я покупала кофе и косынку...

– Это же Роксана! Я знаю ее, это дочка Милены, магазинерки! – воскликнула Розалия. – Значит, ты целый день находилась в Варне?

– Да. У меня и щеки все сохранились. Я была в магазинах, купила, вот... – Я достала игрушечный пистолет. – Мне так страшно было...

– Что это?! – У Розалии округлились глаза. – Пистолет?!

– Это игрушка! На, смотри! Правда, похож на настоящий?

Розалия подержала пистолет в руке, проверяя его на вес.

– Если бы не легкость, его действительно можно было бы принять за настоящий. Бедняжка, как же ты испугана... И что? Ты возвращаешься сюда, приходишь, а машины нет... так?

– Так. Я сразу поняла, что машину украли! Ворота гаража были распахнуты... – врала я мастерски, – и след от шин тянулся до самых ворот и дальше, по дороге. Я прошла туда и увидела, что это место все изъезжено машинами и много окурков набросано... Чувствовала, что произошло что-то ужасное... Я подошла к краю обрыва и увидела... то, что осталось от моей машины.

– Но тогда кто же был в машине? Какая-то женщина... Господи, как все странно! Хотя... После того, что ты мне рассказала... Может, это твой муж тебя выследил?

– Я тоже об этом подумала. Но, Розалия, если бы он собирался меня убить, то не убил бы другую женщину!

– Постой... Я даже не спросила, как тебя зовут?

– У меня очень странное имя. Грета... – И я с готовностью протянула ей паспорт, чтобы хотя бы на этот счет она ни в чем не усомнилась. – Грета Перминова.

– Перминова? Знакомая фамилия...

Я промолчала. Моя свекровь, однако, на эту фамилию в свое время никак не отреагировала.

– У тебя очень красивое имя! Как у Греты Гарбо. Послушай, Грета, но кто-то же убил ту, другую женщину... которую нашли в машине. И если, как ты говоришь, должны были убить тебя... а та женщина оказалась в твоей машине... значит, вполне вероятно, что тебя с кем-то спутали и убили... другую...

– Вот! – Я посмотрела ей прямо в лицо. – Розалия, я думаю, что это был не мой муж, а человек, которого он нанял – чтобы тот расправился со мной. А поскольку меня вычислили, нашли, то убийцей должен быть профессионал, и он шел по моим пятам! К тому же я очень хорошо знаю своего мужа, он – трус. Он никогда бы не пошел на убийство сам.

– Убили другую... А ты – в одежде моей сестры. Так, может, все-таки это Сабина?! Может, это ее и убили?! Господи, какой ужас! Но мне же ясно сказали, что на той женщине были надеты дорогие серебряные украшения... У Сабины таких не было, не было! – чуть не закричала она.

– Скажи, а как могло случиться, что она пропала? Что-то произошло? Сколько дней она отсутствовала? – быстро спросила я, чтобы отвлечь ее.

Розалия посмотрела на меня снова испытующе, словно спрашивая себя, можно ли мне довериться. Но потом, вероятно оценив степень моей откровенности, она сказала:

– Вообще-то они с Николаем поссорились. И она ушла из дому. Он узнал, что у нее появился другой мужчина, сказал, что разведется с ней, и все такое прочее... Мой зять – очень

хороший человек! У него единственный недостаток – он слишком уж увлекается своей работой. Занимается бизнесом, зарабатывает деньги, и, я думаю, он уделял своей жене недостаточно времени. Но деньги никому просто не даются. Вот и у них тоже возникли проблемы... Но сейчас мне не дает покоя другое. Я смотрю на эту куртку и спрашиваю себя – почему она сняла свою куртку и сапоги, почему переоделась? И, главное, зачем? Насколько мне известно, в доме сейчас мало вещей, тем более теплых... Найти в шкафу забытый купальник или сарафан – это еще можно. Но во что же могла переодеться Сабина?

И вдруг она метнула на меня взгляд, который заставил меня испугаться. В сущности, я должна была ожидать от нее этого вопроса.

– А где же твоя одежда, Грета?

– Она осталась в машине, – почти не солгала я, тем более что на трупе Сабины была именно моя одежда. И для пущей убедительности я добавила: – Не могла же я, отправляясь в Варну, оставить в вашем доме свою одежду!

– Постой! – Она схватила меня за руку, словно боясь, что ее подозрение исчезнет вместе со мной. – Но почему ты не поехала в Варну на своей машине? Почему оставила ее в гараже?

– Да все очень просто! Я же не ночевала дома... Понимала, что меня будут искать. А Джорджи мог обратиться в полицию и сразу же передать им сведения о моей машине. Я не собиралась допускать такого – чтобы меня остановили и вернули домой, понимаешь? Если еще вчера я спокойно ездила на своей машине, потому что меня никто не объявлял в розыск, то уже сегодня...

– Ах да... – Розалия немного поостыла. – Послушай, сейчас приедет Николай. Он не должен увидеть тебя в этой одежде и в парике... Он же может принять тебя за Сабину! Ты сама ему потом все расскажешь о том, где ты нашла ее одежду. Но позже, понимаешь?

– Но у меня нет другой одежды!

– Все равно! Снимай куртку и сапоги. Я постараюсь найти для тебя что-нибудь в доме. А потом мы все нужное купим...

Розалия с хозяйским видом бросилась на поиски и вскоре принесла мне какие-то резиновые боты и куртку, вероятно, ту, в которой хозяева работали в саду. Нашелся и теплый толстый свитер из овечьей шерсти. Парик я положила в свою сумку, а одежду Сабины мы засунули в стиральную машину – спрятали таким образом.

– Хотела у тебя спросить... Вот у нас, в России, поиск пропавшего человека можно начать официально лишь спустя три дня после того, как он исчез и об этом заявили. А как здесь?

– Могут начать искать сразу же. В зависимости от обстоятельств, от того, насколько настойчивы будут люди, заявившие о его пропаже.

И тут я поняла, что мой вопрос попал точно в цель: Розалия и ее зять как раз и заняты поиском пропавшей Сабины, и кто, как не они, знают об этой официальной процедуре лучше всех?

– Полиция ищет Сабину? – спросила я.

– Ищет, – как-то вяло ответила Розалия. – Они не знают, где ее искать. Я им сказала, что в первую очередь надо найти ее любовника. Он живет в Балчике, у него отель «Троя»...

– И что, они нашли его?

– Нет, он уехал в Варну, по делам. Его жена говорит, что потом он собирался отправиться в Софию.

– А его жена? Ее проверили? Если она знала, что ее муж встречается с Сабиной, то это она могла...

Я чуть было не сказала опасное слово – «убить». Задержав дыхание, я почувствовала, как жаркая волна стыда и страха залила мое лицо. Какое счастье, что я вовремя остановилась и не договорила фразу до конца!

– ...она могла встретиться с ней, и, допустим, они в конце концов разругались!

– Разругаться? Да она могла просто убить Сабину, – холодно заметила Розалия. – Если бы я, к примеру, узнала, что мой муж встречается с такой, как моя Сабина...

– А что в ней такого особенного? Какая она...

Хорошо, что не сказала: «Какая она была?» Теперь мне следовало постоянно контролировать себя, чтобы не выдать то, что мне известно о судьбе несчастной Сабины.

– Какая она? Вероятно, красивая?

– Во-первых, она красивая, а во-вторых, у нее скверный характер. Она цепляется к людям, она дерзкая, она любит выводить их из себя, злить... У нее это в крови. Другими словами, она может любого человека спровоцировать, вывести из себя. Она моя сестра, и я ее очень люблю и понимаю. То есть я принимаю ее такой, какая она есть, к тому же если она и цепляется ко мне, то я отношусь к этому спокойно, с иронией. Но чужие люди воспринимают все это совершенно по-другому. Она раздражает всех своим поведением. Не скрою, иногда она перегибает палку, и тогда ее муж, Николай, просит меня как-то урезонить Сабину, объяснить ей, что так вести себя нельзя.

– Другими словами, Сабина – вздорная, с тяжелым характером молодая женщина, у которой есть любовник, и об этом знает ее муж. Так, может, это Николай... – осторожно выразила я свою мысль. Или попросту намекнула Розалии на то, что к исчезновению Сабины приложил руку ее муж.

В это время послышался звук подъезжающей к дому машины. Розалия бросилась к окну:

– Это Николай! Приехал! Что мы ему скажем?

– Правду! Я же сказала тебе правду, мне скрывать нечего! Если Николай сочтет, что я нарушила закон, без его разрешения поселившись на одни сутки в этом доме, то пусть он вызовет полицию. Но, думаю, он не сделает этого, если ты его об этом попросишь. – Я улыбнулась Розалии с самым заговорщическим видом.

– Полицию? Нет, Николай – хороший человек, он очень добрый. Мы ему все объясним, и он подскажет даже, как тебе дальше вести себя, что сделать, чтобы выйти сухой из воды. Но самое интересное, что он заявит касательно этого дома... Продаст он тебе его или нет?

Честно признаюсь, что в эту минуту я меньше всего заботилась о доме. Меня волновало другое. Что, если Розалия или ее зять поймут, что это я посадила труп Сабины в свою машину и сожгла его? Как я докажу им тогда, что не убивала Сабину?

Розалия выбежала встречать Николая на крыльцо. Я не могла последовать за ней и осталась в кухне, ожидая решения своей дальнейшей участи. Каким человеком окажется этот Николай? Как он отнесется к моему присутствию в своем доме?

Я слышала, как Розалия быстро что-то ему объясняет. Голоса же самого Николая не прозвучало. Наконец они вошли вдвоем, и я увидела высокого худощавого мужчину с коротко стриженными, седыми, почти белыми, волосами. И это при том, что на вид ему можно было дать лет сорок с небольшим. Вероятно, он относился к тому типу людей, которые белеют еще в молодости. Загорелый, с серьезным узким лицом со впалыми щеками, в черной куртке с капюшоном, в сером свитере и черных штанах, он выглядел весьма привлекательно. Понятное дело, что вошел он с видом хозяина. И уставился на меня немигающим взглядом светло-карих глаз.

Я робко поздоровалась с ним, он лишь кивнул головой. Потом спросил:

– Кто вам сказал, что мой дом продается? – Он говорил на довольно сносном русском языке, с очень приятным мягким акцентом.

– Райна!

– Кто такая Райна?

– Агент по недвижимости, из Шумена.

– Но я не знаю никакой Райны. И дом я тоже не продаю. Так что вы здесь делаете?

Тут я поняла, что мне просто необходимо позвонить Райне, чтобы она сама ему все объяснила. Хотя что она может объяснить, если я вижу перед собой хозяина и он говорит, что дом его никогда не выставлялся на продажу?!

– Послушайте, я прячусь от своего мужа, он собирается меня убить! Поэтому я не хотела бы каким-то образом засвечиваться в Шумене, и по этой причине я не могу позвонить Райне. Но это можете сделать вы сами! Вот, Розалия, к примеру, может позвонить ей и спросить – не продан ли дом, расположенный на такой-то улице, в Кранево...

– Кранево? – хором переспросили меня Розалия и Николай. – Но при чем здесь Кранево? Теперь уже я смотрела на них, ничего не понимая.

– Разве... разве мы не в Кранево?!

– Мы в Каварне! – хором воскликнули они оба.

Я замотала головой, затрясла ею, словно желая привести свои мысли в порядок.

– Каварна?! Но постойте... Я же сегодня возвращалась сюда, останавливалась ненадолго в поселке Св. Константина и Елены, и уже там я взяла другое такси, чтобы приехать сюда! Я сказала, что мне нужно в Кранево! И водитель был еще такой... очень крупный тип, просто толстяк, от него еще несло чесноком... Вот – это правда!

– Краси! – переглянувшись, так же хором произнесли Розалия и Николай.

– Что «краси»?

– Так водителя этого зовут. Его тут все знают. Его имя на самом деле – Красимир. Но все зовут его Краси.

Тут Розалия достала телефон и позвонила куда-то, откуда ей немедленно перезвонили, и она попросила дать ей номер телефона Краси. Она произносила цифры вслух, а Николай быстро записывал их в маленький блокнотик. И я понимала, что все, что сейчас продельвается на моих глазах, – не что иное, как желание этих людей выяснить, не лгу ли я. Возможно, таким образом Николай, прельщенный возможностью продать свой дом втридорога богатой и очень странной русской даме, хочет узнать, можно ли мне верить. И вообще – не призрак ли я?

Через некоторое время Розалия уже разговаривала с «чесночным» таксистом. Она говорила так быстро, что многого я не поняла. Однако когда разговор был закончен и она отключила телефон, я услышала, что она говорит Николаю:

– Краси сказал, что видел Грету сегодня утром в центре Каварны и решил, что, называя Кранево – цель ее поездки, – рускиня просто ошиблась, к тому же, когда они проехали Кранево, она никак не отреагировала. Из чего он сделал вывод, что поступил правильно, доставив ее в Каварну. Еще он сказал... – тут Розалия бросила на меня немного растерянный взгляд, – что поначалу он принял ее за нашу Сабину. Собственно говоря, поэтому-то он ее и запомнил!

– Значит, вместо того чтобы забраться в тот дом, который я собиралась купить в Кранево, я оказалась в похожем доме – в Каварне?! Но ведь и там – такие же колонны, и расположение комнат, и вообще... – Я чувствовала, что схожу с ума!

Теперь подошла очередь Николая звонить кому-то.

– Стаси? Здравей... Это Ники...

Он спрашивал у кого-то, возможно у архитектора, который строил ему эту виллу, нет ли похожей виллы в Кранево. И потом он долго слушал его ответ.

– Все правильно, – сказал наконец он нам с Розалией, не скрывая улыбки и охватившего его чувства облегчения – когда человек узнает, что его не надули и он находится в компании вполне порядочных людей. – Стаси строил виллу в Кранево два года тому назад. И он знает, что

она сейчас продается, вернее, покупательница уже нашлась, она ожидает развода. Стаси все это знает потому, что у него есть один знакомый англичанин, он был бы не прочь купить тот дом.

– Теперь вы позвоните Райне? – спросила я, чувствуя, как всю меня охватывает дрожь. Теперь, когда и мне стало ясно, что я вижу перед собой вполне нормальных, адекватных людей, к тому же довольно симпатичных, мысль о том, что именно я сотворила с телом жены Николая, привела меня в ужас!

– По-моему, и так понятно, что с вами произошло, – пожал плечами Николай. – Вы перепутали местность! Вилла большая, ее видно издалека, и вам немудрено было спутать ее с точно такой же, расположенной примерно на таком же уровне высоты над морем. И что же, вы действительно хотите купить виллу? Ту, в Кранево, или мою?

– Так вы же не продаете... – пролепетала я.

– За полмиллиона евро – продам. Вместе еще со своими двумя домами и апартаментами в Варне!

Я так и не поняла, шутит он или нет. Просто в какой-то момент последние силы оставили меня, и очнувшись я уже в совершенно другом месте...

* * *

Мы находились в доме Николая, в центре Каварны. Когда я пришла в себя после обморока, Николай хотел вызвать мне «Скорую», но Розалия запретила ему это делать.

– Пока ты спала, – говорила она мне позже, когда мы с ней на кухне жарили рыбу, – я пересказала Николаю твою историю. Он заявил, что сам поедет в Шумен и попытается выяснить, что там происходит. Ищут ли тебя? Чем занимаются твой муж со свекровью? Словом, он считает, что ты в опасности и все произошедшее с твоими родственниками связано исключительно с тем, чья ты дочь. Другими словами, они потеряли голову из-за твоих денег. Но они должны ответить перед законом за свои поступки! Вот только ни он, ни я – мы так и не поняли, почему ты просто не села на самолет и не улетела в Москву? Разве это не выход из ситуации? Твой отец прислал бы сюда своих людей, и они сделали бы все, чтобы вас с Джорджи развели и ты стала бы окончательно свободна, к тому же тебе причиталась бы половина вашего имущества. Зачем ты помчалась сюда, да еще в такую погоду?

– А ты не понимаешь? Тебе не знакомы сильные человеческие чувства, такие, как, скажем, желание отомстить?

– Почему же, знакомы... Я – нормальный человек! Но вот только я никак не пойму, каким образом ты могла бы ему отомстить? Спрятаться на море, в чужой вилле? И что дальше?

– Я приехала сюда не для того, чтобы мстить, а чтобы спрятаться. Это первое. И второе – здесь я собиралась все хорошенько обдумать. Ты пойми, я находилась в таком состоянии! Я была не в себе. Видишь, промахнулась даже с этим Краневым, влетела в Каварну... Я же совершенно не знаю этих мест. Вокруг – похожий пейзаж. Море, красивые, мокнущие под дождем домики с черепичными крышами, виллы, отели... Это удивительно, как я действительно оказалась здесь! словно сама судьба забросила меня сюда, к вам!

– Хорошо, что ты встретила нас. Мало ли кто мог оказаться на месте хозяев пустующей виллы! К тому же тебя могли задержать полицейские... Если бы соседи сообщили о том, что кто-то забрался в чужую виллу.

Я, разговаривая с Николаем, все никак не могла прийти в себя при мысли, что перепутала два населенных пункта и оказалась мало того, что в другом доме, – так еще и наткнулась на труп жены Николая!

Розалия поставила на стол блюдо с жареной рыбой, достала салат и теплый хлеб. И так как-то хорошо я почувствовала себя среди этих малознакомых мне людей, словно обрела часть своей семьи, о которой прежде не знала.

Если бы еще не та страшная тайна, которую я носила в себе!

И вдруг меня словно прорвало:

– Николай... Я должна вам кое-что рассказать... – И я, опустив голову и не глядя ему в глаза, начала рассказывать о том, как вчера ночью я наткнулась в кладовке на труп неизвестной мне девушки с пробитой головой. И как, решив для себя, что это – знак, посланный мне словно специально для того, чтобы я использовала его в качестве орудия мести, я устроила инсценировку самоубийства... – Я надела на нее свои серебряные украшения, а ее вещи, золотые, спрятала в карман... вот они. – И я дрожащей рукой выложила из кармана горсть золотых украшений. – Вы можете вызвать полицию... Можете делать со мной все, что хотите, только пообещайте, что позволите мне позвонить моему отцу и брату в Москву, чтобы они нашли мне хорошего адвоката! Вы же понимаете – я не могла больше молчать! Вы были так добры ко мне, привезли меня к себе домой, а я, видя, как вы страдаете и маетесь от неизвестности – где ваша Сабина...

Я бормотала что-то еще, несвязное, глупое, после чего снова потеряла сознание.

Когда я пришла в себя, то поняла, что лежу в абсолютно темной комнате, в постели. Я нащупала кончиками пальцев край толстого шерстяного одеяла, жесткую наволочку. Из-под двери, снизу, пробивалась полоска света. Еще – раздавались приглушенные голоса. Я поблагодарила бога за то, что полиции в доме пока еще нет. А это значит, что Николай со своей свояченицей решили пока что не обращаться к властям. У меня голова раскалывалась, так хотелось попросить какую-нибудь таблетку! Мой отец всегда говорит, что терпеть головную боль нельзя, это вредно для здоровья, куда полезнее – выпить болеутоляющее. Вот и теперь мне вспомнились его слова. К тому же у меня было такое чувство, словно моя голова того и гляди просто треснет пополам!

Я встала с кровати. Стоя босиком на холодном полу, поняла, что меня раздели – перед тем как уложить в постель, с меня сняли тот свитер, в котором я была, и джинсы. Так хотелось принять душ, привести себя в порядок перед тем, как предстать перед полицейскими! Да и отец, когда он увидит меня – с грязными волосами, всю помятую, осунувшуюся, – придет в ужас!

С трудом отыскав на стене выключатель, я зажгла свет. Так и есть! Я находилась в хозяйской спальне. Все хорошо в Болгарии, подумалось мне, да только зимой тут повсюду холодно, не то что в теплых, хорошо протопленных московских квартирах. На стуле нашлась одежда, та самая, в которой меня привезли в этот дом. Еще были носки, черные, с белым узором, ручной вязки. Вполне вероятно, что эти носки принадлежали убитой Сабине. Но ей-то они теперь точно не понадобятся! Ноги застыли так, что мне было уже не до сомнений. Я надела их.

Что же мне делать теперь? Появиться перед глазами вдовца и с невинным видом попросить таблетку саридона? Как можно?!

Но и оставаться дольше в спальне, не понимая, какие планы у хозяина дома, я тоже больше не могла.

Я приблизилась к двери. Подслушать, о чем разговаривают где-то далеко, вероятно в гостиной, Николай со своей свояченицей, оказалось невозможно.

Я приоткрыла дверь, выскользнула в коридор и, тихо ступая ногами в толстых носках, приблизилась к двери, ведущей в гостиную. Так и есть! В щелочку я увидела сидевшего в кресле Николая и устроившуюся на кожаном диване Розалию. Они оба курили и тихо разговаривали.

– Можно? – Я робко вошла в комнату.

Николай посмотрел на меня и отвернулся. Розалия молча кивнула головой, мол, проходи.

– Что вы теперь будете со мной делать?

– Это правда – то, о чем ты рассказала? – Николай поднял голову и посмотрел на меня тяжелым, потухшим взглядом. – Это правда, что, когда ты увидела ее в кладовке, она была уже мертва?

Я кивнула.

– Сядь, Грета. Разговор будет долгим, – предупредила меня более мягким голосом Розалия. Мне даже показалось, что она вовсе на меня не злится. Хотя речь-то шла о ее родной сестре!

Я села в кресло, напротив Николая. Спину я держала прямо, вся была напряжена, даже плечи ныли, словно в мои суставы влили свинец.

– Если вы хотите спросить меня, не я ли убила Сабину...

– Если бы ты ее убила, то вряд ли осталась бы здесь, тебя бы давно и след простыл... К тому же отсутствует мотив для убийства, – это произнесла Розалия.

– Я задам тебе кое-какие вопросы, и ты должна на них ответить. Только уже ничего не скрывая!

– Я согласна. Тем более что я, кажется, и так обо всем рассказала.

– Сабина, моя жена, пропала три дня тому назад. У нее была одна особенность... Даже когда мы с ней сильно ругались и она убегала из дома, хлопнув дверью, то все равно она всегда возвращалась. Так было все десять лет нашего брака. Если же ей случалось заночевать у своей сестры, Розалии, то она всегда звонила мне и сообщала об этом. Пожалуй, это была одна из лучших ее черт. В другом же отношении она была просто невыносима. Ей оскорбить какого-то человека, унижить его – ничего не стоило. Она умела найти такие слова, какие нормальному, доброжелательному человеку и в голову-то никогда не придут!

Слушая Николая, я хотела задать и ему массу самых разных вопросов. К примеру, зачем же он мучился с нею все эти десять лет, раз Сабина была такой невыносимой? Или – на какой почве у них обычно происходили ссоры? На бытовой ли? На любовной? На денежной? Вот у меня, к примеру, все было завязано на деньгах. Вернее, на желании моих новых родственников обобрать меня. А что нужно было от жизни Сабине?

– Вероятно, тебе захочется спросить меня, почему я терпел ее все эти годы? Отвечу. Во-первых, я ее любил – безумно! А во-вторых, мой бизнес начинался с денег ее отца. Мой тесть сильно помог мне в свое время, и я не мог вот так взять и бросить все...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.